

ВОДЯНОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Стрельников

Владимир Стрельников

Водяной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69620380

SelfPub; 2023

Аннотация

Ни думал, ни гадал дед Захар, что погибнет, защищая внуков-внучек, и что попадет в иной мир не кем-нибудь, а водяным. Но каждому свое, раз уж выпала такая участь – то пищи, но тащи. Тем более, что это здорово интересно, можно сказать, даже увлекательно. И главное, воля вольная, есть где развернуться душе и раззудеться руке. Да и отмеряно ему немало, гуляй – не хочу. Ну а что порой богини мелькают, да русалки в подчинении – так и дед-то никогда водяным стать не планировал. Главное – жить по совести, а там уж как кривая вывезет.

Содержание

Книга первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Владимир Стрельников

Водяной

Книга первая

– Деда, деда, поноси покамест, ладно? – Внучки, три мои десятилетние егозы, Маринка, Кристинка и Залинка разномастным веселым вихрем налетели на меня, сидящего на мягкой скамье около большого аквариума, и принялись надевать мне на шею какие-то амулеты. У них сейчас, девиц-малолеток, какое-то помешательство на древних богах. Собирают амулеты Тора, Локи, Кетцалькоатля и прочих, в том числе и наших славянских. Помешательство всеобщее-малолетнее какое-то, и при этом необходимо (по девчачьим разговорам), чтобы новокупленная вещь сразу носилась на теле. Неважно на чем. Ну а кто лучше всего подходит на роль носителя? Правильно, дед. Неважно, что на мне образок, который на меня их бабушка двадцать годов назад повесила, хоть я и неверующий. Крещен при рождении, но в церкву не ходок. Но разве это волнует внучек-девчонок, точно знающих, что дед их любит-обожает, и не такое позволит? Нацепив мне на многострадальную шею не меньше трех десятков всякой всячины-бижутерии, девочки дружно чмокнули меня в обе щеки, и убежали к родителям, которые

что-то смотрели в «Спортмастере».

– Ха, дед, ты попался! На новогоднюю ёлку сейчас похож. – Подойдя, с вредной усмешкой заявил Иван, мой старший внук, и протянул большой толстый конверт и пару флешек. – Вот, распечатал, все, что ты просил. Только дед, ну все эти бумажные фото, бумажные книги – прошедший век. У тебя три фоторамки, ну купи еще несколько.

– Вань, я сам прошлый век уже. – Засмеялся я, вытаскивая из конверта пачку фотографий. Дети, внуки, пчелы и собаки... мое богатство. Самое мое главное. Дочь Ирина с мужем Олегом, Светлана, женушка моего сына Анатолия. Ваня, Артемка, сыновья Иры и Олега, Маринка, родная дочка Светы и Толика, и их приемные Кристинка и Залинка. Маринка синеглазая блондиночка, Кристинка рыжая и зеленоглазая, и Залинка, брюнетка с темно-карими, почти черными глазками, настоящая восточная красавица. Внуки у меня красотульки и умницы, отрада моего сердца. Также, впрочем, как и оба внука, семнадцатилетний Ваня и семилетний Артемка. Вот внуки и внучки на речке, а вот на моей пасеке... Кстати, вот что интересно – девочек пчелы не жалят. Вот никогда не трогают. Пацанам достается, хоть они на пасеке шуршат, и шурок отгоняют, а девчонок пчелки не трогают.

Отдельно, в более крупном формате, шли фотографии Луны и Сатурна, а так же снимки пары метеорных потоков. Ну люблю я посидеть после полуночи во дворе в компании своих псов, глядя на звезды в телескопы. Имею право; пен-

сию, несмотря на все ухищрения правительства, я все ж таки выслужил. Собакены ребята умные, ни разу телескоп даже не пошатнули, молча сидят около меня и смотрят в небо. Разве иногда собачьим телеграфом новостями обмениваются. Кто его знает, о чем мой стаф и соседский мастиф перелаиваются с парой лаек из деревни неподалеку? Может, обсуждают полет МКС?

Оба моих пацана тем временем внимательно и снисходительно присматривали за вернувшимися из «Спортмастера» и сейчас скачущими на надувном батуте девчонками.

– Тем, сходил бы к сестрам, проконтролировал напрямую. – Ванька спрятал наладонник, и невозмутимо вытянул длинные ноги в адидасовском трикотаже. – А то кто еще пристанет, отсюда не пойдем.

Темка степенно кивнул, протянул свой смарт брату, и, сняв на входе свои кроссовки, присоединился к сходящим с ума малолеткам. А Иван внимательным взглядом проводил красивую шатенку лет двадцати, продефилировавшую мимо на высоченных каблуках.

– Дед, на «Тайную жизнь мастера зелий Северуса Снейпа» пойдешь? – Ванька оторвался от созерцания очередной девицы, на этот раз затянутой в джинсу блондиночки с выкрашенными в розовое косичками на висках, и повернулся ко мне. – Через час сеанс, папа с мамой или дядя с тетей успеют подойти. Возьмем билеты?

– Почему нет? – Я вытащил расходную карточку из бу-

мажника, и протянул внуку. – Купи билеты на всех нас шестерых, «Колы» и «Севен Ап» по паре литров вниз. Кукурузу на входе возьмете. Ваши предки нас подождут в кафе на Баумана, или Ирина с Ольгой мужей ткани утащат смотреть.

Внук, кивнув, умчался. А я пристукнул тростью наглючего и невесть откуда взявшегося в этом торговом центре жучка, откинулся на спинку скамьи. В городе тоже неплохо бывает, главное, чтобы не слишком долго в нем находиться. А то суетно больно, шумно, народу много.

То ли дело дома, в селе – тишь да гладь, да божья благодать. Огород, сад, пасека небольшая. Кама с Волгой, разлившиеся в устье на полсотни километров с лишним, рыбачь – не хочу. Вокруг лесочки и посадочки, позволяющие и грибы пособирать, и слегка поохотиться. Есть пока и утка, и гусь, да и зайцы в подсолнухах бегают, жирные настолько, что сало с боков капает. Впрочем, я больше охочусь в полях, на перепела, коростеля и куропаток. Ну, иногда еще на вяхирей, осенний вяхирь ну очень вкусен. Забавно, мои спаниэли, далматинец и амстаф прекрасно работают сворой-коллективом по полевой дичи, поднимая на крыло отменных бегунов-коростелей и сидят со мной в засаде на голубей, как партизаны. При том и амстаф, и далматин хоть и вписаны в мой охотничий билет наравне со спаниэлями, но не считаются охотничьими псами большинством знакомых.

Отпив глоток газировки, я снова оглядел людскую суету вокруг. Суббота, народ отдыхает, в том числе здесь, в торго-

вом центре. Капиталисты сделали все очень умно, тут в одном здании и кинотеатр, и всяческие кафешки, и магазинов множество.

Что-то царапнуло душу, и я вернулся взглядом к троице, только что поднявшейся на эскалаторе и сейчас идущей в нашу сторону вдоль перил. Молодая девушка, симпатичная, и два парня. Девушка как девушка, светловолосая, а парни вроде как кавказцы. И что мне в них... да у них под полой плащей автоматы!

Охранник напротив книжного дернулся к своей рации, ближайший ко мне парень рванул автомат наружу. И время потекло медленно-медленно.

Вот этот, судя по всему, террорист-смертник, вынимает из-под полы свой автомат, обыкновенную «Ксюху», то есть АКС-74У, направляет его в сторону охранника. Второй тянет свой, такой же автомат-укорот, и смотрит в ту же сторону. Девица заторможенно распахивает свою пухлую модничую куртку, а там, под курткой, какой-то жилет-разгрузка. Бомба?

Про себя посетовав на больное колено, я вскочил (а остальные все так же медленно тянутся, как в патоке), и вырвал из трости клинок. Купил себе эту тросточку лет пять тому назад в Прибалтике, с тех пор с ней и хожу. Удобно и стильно, разгружает больную ногу. Но сейчас придется немного потерпеть, какую-то короткую пробежку.

Внезапно все ожило, и автомат ближайшего ко мне терро-

риста выплюнул в сторону охранника длинную очередь, свалив мужика в форме и разбив стеклянные витрины. Второй начал ко мне разворачиваться, когда я с набегу рубанул его по шее, и на следующем шаге возвратным движением воткнул клинок в спину первого. И подхватив девицу с бомбой, с разгону перевалился с этой глупышкой через перила ограждения.

– Как охота жить, во имя всех богов!!! – Успела мелькнуть в голове отчаянная, яркая мысль. И все сначала полыхнуло, а потом погасло.

Там же, через четыре часа.

– Что скажете, товарищи офицеры? – Генерал в полицейском мундире прошел по хрустящему крошеву, поглядел на упакованные в черные пакеты тела террористов и лежащие отдельно останки лихого деда.

– Повезло, товарищ генерал-майор! – Вытянулся подполковник в таком же мундире, а затянутый в сбрую майор-омоновец согласно кивнул.

– Не повезло, а проспали! Если б не этот старикан, число жертв шло б на десятки, а то и на сотни! Два автоматчика и бомбистка в субботнем торговом центре! Посетителей с тысячу, не меньше, а то и больше было! Да у нас только пострадавших в панической давке триста семнадцать. Из них шестеро в крайне тяжелом состоянии! – Генерал чуть успокоился, и сбавил обороты. – Ищите! Землю ройте, но найдите руководителей акции! Товарищи из ФСБ, военной раз-

ведки и МИДа вам помогут, все согласовано. И учтите – мы на контроле из Москвы, на самом-самом контроле! Нужна будет помощь – сразу ко мне, обеспечим!

И главный татарский мент похрустел к стоящему на втором этаже вроде как задумчиво пинающему обломки главному татарскому же эфэсбешнику. На самом деле, им с коллегой реально повезло. Страшно подумать, что могло тут случиться, а сейчас все можно спустить на очень плавных тормозах, восхваляя павшего смертью храбрых деда-фехтовальщика. Кстати. Хорошая у того тросточка со скрытым клинком, надо бы и себе такую заказать.

Там же, в это же время.

– Смертные порой такие забавные, правда, брат? – Высокий изящный брюнет повернулся к еще более высокому и много более массивному блондину.

– Порой да. Но этот старик заслужил свое место в Вальхалле! – блондин облокотился на полированные перила и качнул туда-сюда тяжелым молотом. Из внезапно появившейся над разрушенным куполом тучи ударила молния, громыхнуло, порыв ветра вбросил сквозь разбитый стеклянный потолок град и ливень.

– Но он хотел жить, брат. – Брюнет подбросил на ладони большую сферу, искрящуюся желто-зеленым. – Кстати, сильная душа у этого смертного. Жжется даже.

– Ну, жизнь это не ко мне. Вот посмертие, это другое дело. Позволишь посмотреть, Локи? – изящная, невозможно кра-

сивая темноволосая женщина вышагнула из тени, и аккуратно взяла сферу с ладони брюнета. – Да, силен старик.

– Позволь мне, Мара. – Из солнечного луча шагнула яркая ослепительная блондинка.

– Конечно, сестра. Скажи, Лада, ты тоже получила свою долю? – Брюнетка отдала сферу, и стряхнула с рук искорки, упавшие на пол легким инеем.

– На нем был и мой знак тоже, сестрица. – Богиня жизни, любви и плодородия невесомо прошла по стеклянному крошеву, улыбнувшись, погладила по щеке пробежавшую мимо девушку в полицейской форме (та удивленно замерла, и огляделась). – Да, силен муж. Что вы хотите с этим делать, господа боги?

– Я? Не знаю. – Громыхнул Тор, и подкинул молот. На улице снова полыхнула молния, от близкого разряда из потолочных рам посыпались остатки стекол, разгоняя с открытых мест оцепление. – Старик сделал то, что должен был сделать – убил врагов и сберег свой род. Ну погиб при этом, бывает.

– Я бы мог сделать многое, но именно с этой душой сие будет нечестно. – Улыбнулся брюнет, и аккуратно подставил подножку задумчиво бродившему генералу. Тот запнулся и упал бы, если б его не подхватили спецназеры из ФСБ. Тор и богини укоризненно поглядели на него, а Локи покаянно развел руки. – Ну не удержался я. Не удержался. Ну так, ведь я злой и противный бог шуток, так ведь?

– Я уже сказала – жизнь это не ко мне. Посмертие могу обеспечить. – Мара взглядом смела осколки и мусор со скамьи и уселась на нее, приглашающе кивнув сестре. – Но просьба была ясная, а жертва очень осмысленная и очень серьезная.

– Тогда, если вы не против... – Лада села рядом с сестрой и подбросила сферу на ладони.

– Не то, чтобы я был против, дорогие мои. Но могли бы сначала и меня спросить. – Из-за колонны вышел скромно одетый кудрявый шатен с аккуратно постриженной бородкой.

– А ты откажешь дамам, Иисус? – Лада очаровательно улыбнулась. Мара просто приветливо кивнула, а вот Тор и Локи грозно нахмурились. На что, впрочем, Иисус совершенно не обратил внимания, улыбнувшись в ответ дамам. Глянул на тела внизу, на сферу на ладони богини...

– Не здесь, не в этом мире, дорогая. – Построжел Христос. – Иначе ему не будет правильного посмертия. Найди другой мир, где нет его допельгантера. Там разрешаю.

– Ты настоящий душка! – Лада весело вскочила, чмокнула Иисуса в щеку и растаяла в облаке золотых искр.

– Не богиня, а девчонка. – Фыркнул Локи и, взмахнув рукой, отправил вслед ей небольшой сгусток тумана. – Тогда мой дар старику. Небольшой.

– И мой тоже. – Тор метнул в никуда крохотную молнию.

– Тогда и мой тоже. – Мара загадочно улыбнулась, крута-

нула указательным пальцем крохотную метель из сверкающих снежинок и отправила вслед за молнией. И тоже растаяла, шагнув в тень.

– До встречи. – Тор подбросил молот и исчез во вспышке молнии.

– Как они любят спецэффекты. – Покачал головой Локи. – Всего хорошего, Иисус. – И просто исчез.

– Да уж. – Триединый Бог этого мира прошелся по битому стеклу, глядя на пятна крови. – Ведь сказано было – не убий! Глупые еще, дети – детьми. В Чистилище их!

И три души, оставшиеся от террористов-смертников, исчезли в неяркой вспышке.

* * *

Мне было странно. Спокойно слишком, неторопливо и невозмутимо. Вроде как уже некуда торопиться. Интересно, почему? И почему я вроде как в какой-то капсуле, сквозь которую ничего не видать? Я в больнице, что ли?

Внезапно голову (или не ее?) прошили проявившиеся воспоминания и знания. Пространство вокруг всколыхнуло, закорезило, завернуло штопором и через какой-то хитрый проход выкинуло меня наружу.

– Или через задний, или через передний. Точно, два выхода. – Я старался проморгаться, глаза слепило яркое солнце.

– Ну, не совсем. – Рядышком прожурчал красивый жен-

ский голос, и рассыпался невесомым смехом. – Но где-то рядом, дед. Так что успокойся и слушай. Впрочем, мне торопиться некуда, так что оглядись и прими то, что с тобой. Я немного подожду.

В глазах прояснилось. И оказалось, что я стою на берегу какой-то речушки. Речушка явно горная, шустрая. Звонит-перекатывается. Горы чуть поодаль, высокие, снежные шапки на них. А тут явно знойное лето жарит; хотя мне совершенно комфортно, в моей-то зимней одежде. И это при том, что я на любой жаре потом истекаю, как снеговик.

Тут я кой-что заметил, и мне от этого поплохело. А именно то, что я тени не отбрасываю. Деревце рядышком со мной, серебристый тополек, вон какую раскинул, а меня как будто и нет.

Я внимательно присмотрелся к своим рукам и уже чуть спокойнее обнаружил, что сквозь них вижу. Прозрачные они у меня, если как следует приглядеться, но при этом цветность сохраняют, я их объем чувствую. Хм... на пробу я ткнул пальцем в тополиный лист, палец спокойно прошел сквозь него. Так, а кто со мной разговаривал?

Неподалеку на камешке обнаружилась очень красивая блондинистая дама непонятных лет, скромно сидящая и за мной наблюдающая. Вроде как и молоденькая, но вот столько такой зрелой силы в ней, что на пару королев точно хватит. А то и на дюжину.

– Здравствуйте, сударыня. – Вежливость великая штука,

а этикет придумали очень умные люди. Мало ли, что мне орать от перепуга охота, это потерпит. – Позвольте поинтересоваться, что именно со мной случилось. Что я должен принять. И о чем вы мне хотели поведать. И да, мое имя Захар Владимирович Догляд.

– Какой вежливый. Приятно встретить хорошо воспитанного смертного, жаль только, что после его смерти. – Блондиночка изящно закинула ногу на ногу, оправила подол даже на первый взгляд невероятно дорогого платья и сверкнула великолепной улыбкой. Реально сверкнула. Как электро-сваркой, у меня аж в глазах (или что у меня сейчас вместо них) зайчики забегали. – Мое имя Лада, я – богиня. Как ты уже понял, твой земной путь был прерван. Но ты совершил некий древний ритуал и высказал четкую и ясную просьбу. По ритуалу – ты, как высказался Тор, убил врагов и защитил свой род, пожертвовав своей жизнью. При этом ты восславил богов и сказал, что хочешь жить. Учитывая, что твои внуки надели на тебя амулеты, в том числе со знаками Тора, Локи, Мары и меня, и место силы, на котором все это произошло, то мы услышали и пришли поглядеть. Твой верховный бог был не против. По общему решению мне разрешили исполнить твою просьбу по моему разумению с некоторыми ограничениями. Интересно, какими?

– Да. Не это главное. – Я облизнул пересохшие губы. Так, я вроде как призрак, у призраков пересыхают губы? – Как там мои? Дети, внуки?

– Все живы. И зять с невесткой. Испугались страшно, расстроились из-за тебя, слезы льют. Гордятся. – Лада снова улыбнулась. – Молодец, дед. Потому я и откликнулась. Жизнь – это любовь. Ты любишь своих детей и внуков, ты отдал ради них самое дорогое – жизнь. Значит, ты прав.

– Спасибо. – На душе потеплело. Похоже, это все, что сейчас у меня осталось. – А что насчет ограничений?

– Ну, они просты. Я не могу вселить тебя в тело, занятое душой. Не могу тебя поселить в мирах, где есть твои двойники. Значит, тебе надо создать тело самому. Это сложно, но выполнимо. Если у тебя есть время и силы. Они у тебя будут, от меня. Кроме того, у тебя есть дары еще трех богов. Малые, но тем не менее. Среди людей ты будешь слишком заметным. Потому я решила так – будешь жить здесь. Водяным духом. Не смотри на меня так недоуменно, ибо, как сказано Декартом – *Cogito ergo sum*. «Я мыслю, следовательно, я есмь!». Жить можно по-разному, Захар. Я богиня весны и жизни, а вода – это жизнь. Здесь закрытый водный район, других водяных духов нет, то есть, ты, такой красивый, вне конкуренции. Нелюдь есть, но немного, и она сухопутная. Да и нежить есть. Но опять же, сухопутная и ее немного. Справишься не торопясь и со временем. Времени, благодаря нам, у тебя теперь много. Думай, мысли, набирайся сил. Твори, ибо сотворил вас бог по образу и подобию своему. А кто он? Правильно, Творец. И запомни: вода – это жизнь, а жизнь – это любовь. Иди, тебе пора. Да и я на тебя многовато вре-

мени потратила. – И вставшая богиня легким шлепком своей изящной ладошки отправила меня на самую стремнину, в кипящий водный поток.

Это было необычно, странно, божественно. Я был водой и вне ее. Я чувствовал каждую песчинку, ощущал колыхание водного мха, шипение лопающихся водяных пузырей. Я ощущал биение сердечек у крохотных утят, прячущихся в маленькой, скрытой кустами заводи, я видел каждое движение рыб, которых было не так уж и мало в этой речушке. У меня не было тела, мое тело было этим бурлящим потоком.

Я слился с этим куском речки, я понял его суть, узнал каждый камушек на дне, каждую корягу вдоль берегов. В какой-то момент я понял, что в одном месте речные струи другие, что мне там особенно хорошо и комфортно, что я набираюсь в этом месте силы. И что тут я начинаю формировать не то, чтобы тело, нет, скорее слабый контур своего будущего тела. И понял я это уже зимой, когда морозец сковал берега тонкой и звонкой корочкой льда, а на поверхность воды сыпались снежинки. Я понял, что снова начинаю осознавать именно себя, как личность, а не как часть водяного мира.

Зима принесла некоторое умиротворение. Речка стала спокойнее, стал спокойнее и я, стал рассудительнее. Осознанно изучил весь этот участок реки, составил в голове его трехмерную картину. К моему удивлению именно тогда я осознал дар Локи – абсолютную память и способность к многомерному мышлению. Я помнил все, что когда-либо слы-

шал, видел или читал. И уж естественно, все то, что я делал. Некоторые вещи были весьма неприятны, пришлось учить-ся задвигать их на дальние полки в создаваемой в сознании библиотеке.

Но самое главное – мне удалось сдвинуть камешек. Обычный небольшой голыш, чуть поросший водорослями, и облюбленный снизу ручейниками. Так вот – я сумел его сдвинуть. Мне подчинилась вода.

Осознание этого здорово меня торкнуло. Я носился по речушке, поднимая волну, вылетал из воды и плюхался обратно. Конечно, плюхался для практически бестелесного духа сильно сказано, да и волна, которую я сейчас поднимал, скажем так – просто была. Но я научился это делать!

Кстати, речушка, несмотря на свои прямо скажем, скромные размеры, на дне своем имела с десятков человеческих костяков, разного времени упокоения и разной сохранности. И возле двух из них что-то ощущалось, не сильно хорошее. Похоже, неупокоенные души. Одна даже попыталась напасть на меня, когда я подобрался поближе. Силы у нее было немного, но вот ярости и черной злобы – хоть завались.

Вот только ничего у нее не вышло. Обратно под корягу улетела, к своему костяку в ржавой кольчуге. А это я просто рукой махнул с перепугу. И понял, что это второй дар. Богини Мары. Не самый добрый, кстати. Я могу вот такие неупокоенные души даже убить, точнее, поглотить или сожрать, набирая силу. И кстати, не только неупокоенные. Живые то-

же, судя по всему. Правда, прямо сейчас я даже на поглощение явного умертвия никак не решусь. Мало ли как я изменюсь при этом. Я и так потихоньку набираюсь сил, речка делится, причем чистой, чистейшей энергией. Даже какую-то форму обретать начал. Вон, волну гоню.

Кроме того, что я гоняю помаленьку волны и неупокоев, я потихоньку расширяю свой кругозор, так сказать. Очень неторопливо изучаю речку вверх по течению. Этот-то кус, в небольшой долинке, я уже изучил достаточно хорошо до порогов. Дальше находится людское поселение, куда я покамест побаиваюсь соваться. Довольно большой поселок, домов под сотню, если по дымам судить. А в таком поселении вполне может быть или церковь, или мечеть, или еще какой храм. Это богине нет конкурентов, а я, если честно, даже попов побаиваюсь, или кто тут есть из служителей культа. Зарядит экзорцизмом (или как там обряд изгнания духа называется?) и куда я денусь? Так что побережемся, спешить мне особо некуда. Я даже не знаю, как время этого мира соотносится со временем моего прошлого мира. Более того, я даже название этого мира не знаю.

Я много чего не знаю. Не знаю, как там мои, это самое сложное. Тела нет, какая-то энергетическая оболочка, а душа скучает. Правда, именно скучаю. И постепенно грусть как-то все светлее становится и отдаленнее. Нет, я про своих не забуду и буду пробовать узнать, но это уж по возможности. Знаю, что это вероятно, но вот уровень этой вероятности...

божественный, одним словом. А я еще даже на серьезного водяного не тяну. Правда, рыбы меня уже видят. И побаиваются. А потому подчиняются. Вон, собрали все золотые и серебряные монетки, до которых смогли дотянуться и докопаться, а также несколько довольно примитивных украшений и сложили в симпатичном омутке, в небольшой старый кувшин. Да еще перед этим сам кувшин вычистили от ила и водорослей. Не сказать, что много, но десятка три золотых, и девяносто семь серебрушек. Даже в моем бывшем мире не так уж мало.

Кстати – уж больно чистое дно у речушки. Ни одного куска пластика или резины, железа почти нет. Керамика есть, но тоже маловато. И это при том, что неподалеку караванная тропа проходит. Похоже, попал я куда-то в средневековье. И куда-то в Азию, уж больно караваны характерные. Верблюды и кони.

Потихоньку я стал подбираться поближе к поселению. С трех сторон это довольно большое село (точно село, мечеть есть, может быть, это даже маленький городок) огорожено достаточно высокой глинобитной стеной. Только со стороны речки стены нет, но именно здесь речка достаточно глубока, чтобы защитить от внезапного нападения. Даже небольшая пристань есть. Пяток больших лодок. И штук двадцать маленьких долбленок-плоскодонок, сейчас вытасненных на берег.

Я стараюсь быть осторожным, днем почти не появляюсь

на поверхности. Мало ли, я ведь даже понятия не имею, как смотрюсь со стороны. А ночью городок спит, темень полная. Даже ни огонька, разве только ночной патруль из пары-троицы парней с копьями ходят с масляными фонарями вдоль стен. Насчет средневековья я не сильно ошибся, потому как патрульные передают из рук в руки какую-то пищаль, одну-единственную. Остальные луками обходятся, причем не сложными составными, а простенькими, из ивовых веток.

И да, я точно в Азии. Похоже, где-то в Средней Азии, потому как одежда очень уж характерная. И богиня сказала, что я в закрытом водном районе, то есть внешних стоков нет, только внутренние. А там, точнее, тут, все в Аральское море собирается и несколько озер. Узнать бы, где я точно. Разговоры местных обитателей я понимаю, хоть они точно не по-русски разговаривают. Но информации немного. Слушаю-то я в основном ночные патрули, днем наверх не поднимаюсь. А их несут молодые неженатики. Парней интересуют кони, сабли, девки. Причем со всем этим у них достаточно сложно. У одного есть невеста в поселке, причем родители девушки готовы взять чисто символический калым. У остальных с этим проблемы, здесь слишком много родни, близкой родни, надо подбирать невест в соседних аулах, а там хоть особо не заряжают, но деньги нужны. В среднем по три полновесные золотые монеты, для простых парней очень немалые деньги. Потому подростки парни, выросшие без отцов (а таких немало), уйдут весной с караваном. И мир по-

смотреть, и плата за работу составит пять золотых дирхемов. После выплаты налога в полтора дирхема останется на калым в самый притык. Свадьбу же справят осенью всем поселком. Точнее, несколькими соседскими аулами.

Кстати, здесь я впервые услышал про русских. Мол, бай забирает десять из пятнадцати золотых за снаряжение на этот поход. Хорошее копьё, простенькая сабелька и русское ружье. Все это дается в прокат каким-то Санджар-баем. Судя по всему, хозяином этих мест. Коня или верблюда обеспечит караванщик. Парни идут простыми охранниками и, втихую меж собой, мечтают завалить по несколько разбойников, чтобы выкупить оружие.

Покрутившись около поселка, я ради интереса поднялся по акведуку в сам поселок. При этом меня учуял местный кабыздох и с истошным визгом кинулся под калитку. Даже разбудил кого-то, во двор вышли с лампой, после чего отругали пса и явно отвесили тому пинка.

Да, сам акведук наполняется из вращающихся водяных колес. Забавная вещица, но только для теплых мест. В России в первую же зиму вмерзнет в лед и уйдет по весне с ледоходом.

Так вот, поднялся я в поселок. Посреди небольшая чистенькая площадь с большим прудом-хаузом, чайханой и крохотным рынком. Сейчас, естественно, все закрыто. Из хауза вода по трем глубоким и чистым арыкам растекается вдоль улиц. Вот, собственно, и все водоснабжение. Улицы с

глухими стенами домов и высокими глинобитными заборами-дувалами, все окна внутрь дворов. Но, несмотря на не самый богатый вид, поселок уютный. Много фруктовых деревьев прямо на улицах. Летом, небось, все в зелени.

Покрутившись около этого аула с месяцок, я двинулся дальше. Каждую неделю смещаюсь поочередно вверх или вниз по течению речки и изучаю владения. Около поселка, кстати, почти под самой пристанью, нашел парочку мелких водяных духов, вроде русалок. Похоже, когда-то утопиие парочка мелких детишек. Сейчас спят, уютно свернувшись в старом кувшине. Силенок у них практически нет, так, чуть пошуметь, поплескаться, похулиганить... не зря порой в плеске воды такое слышится...

Там же, около поселка, нашелся немалый кошель с русскими серебряными рублями времен Елизаветы. Сто сорок пять рубликов, весьма солидная находка. И еще старая сабелька-шамшир, похоже, индийская или пакистанская. Совершенно ржа не тронула, хотя дерево ножен практически сгнило. Не знаю, для чего она мне, но тащу все к себе в омут, как хомяк.

Вокруг речки множество родничков, откуда берут свое начало веселенькие ручейки. Я научился в эти роднички ходить по подземным водам. Сначала абсолютная тьма щекотала отсутствующие нервы, потом приелось. Но из принципа изучаю все воды в своих владениях. Благодаря этому нашел старый клад с опять же серебряными монетами, на этот раз

не знаю, чьими, какого государства. Не удивлюсь, если времен Македонского; тот здесь проходил с войском. Вот и прикопали серебряшки, от греха подальше. Везет мне на них. Забавно, я вроде как нечисть и нелюдь, а серебра совершенно не боюсь. И накопилось его у меня уже весьма прилично.

Изучая достаточно крупный родник, я впервые в этом мире убил. Услышал из-под земли мужской приглушенный смех, невнятные стоны и всхлипы, аккуратно всплыл. Около родника горел небольшой костерок. И три мужика насильовали женщину. Немолодую, но ухуженную, дебелиую. Похоже, разбойнички местные подловили путешественников на переходе, и развлекаются. Вон, неподалеку валяется неопрятной кучей какой-то мужик, рядом такой же кучей тело молодого паренька. Две верховых лошадки, и небольшая арба с мулом в упряжи.

Двое из насильников прошлись еще по кругу, пока третий разоблачал убитых, и закидывал вещи в арбу. После эта парочка взялась за заступы, и лихо выкопала за кустами достаточно глубокую могилу. А третий залез на глухо стонущую женщину, сделал свое дело, и под ободряющие возгласы подошедших подельников за волосы подтащил свою жертву к роднику. Я даже не понял сначала, зачем. Думал, умыть хочет. А тот запрокинул женщине голову и полоснул кривым ножом по горлу.

Практически мне в лицо (ну, в то место, что я считаю лицом) хлынула человеческая кровь. Кровь. Живая пока еще,

горячая, сладко пахнувшая. С ума меня сводящая.

Троица стоящих около берега разбойников понять ничего не успела, как их тела насквозь пробили внезапно выросшие из родника сосульки. Потом тушки бандитов внезапно соохлись. Будто бы из них всю воду высосали. Кожа истончилась, зашелушилась, потекла мелкой крошкой, следом за ней сохшиеся и рассыпающиеся в прах мышцы и кости. И вот от разбойников и убийц остались только кучки одежды.

А я стоял на поверхности воды, и смеялся. Надо мной сходились тучи, в родник били молнии. Дикое, страшное чувство всевластия кружило голову, а точнее снесло напрочь крышу. Энергии из трех сожранных мною бандитов хватило мне на достаточно долгую грозу.

Когда я пришел в себя, то понял, что выбросил кучу доставшейся мне энергии на глупые понты. Но даже оставшегося мне хватило на некое подобие тела, а возможность походить по суше меня здорово порадовала. Оглядевшись, я увидел зависшую над родником душу женщины. Переборыв в себе желание пожрать и ее, я отпустил душу на перерождение. Хорошо, что не попалась мне в момент, так сказать, трапезы.

Пройдясь по берегу, я поднял из кучи бандитских трофеев богато разукрашенное ружье. Вроде как такие «карамултук» называются. Видел в музее как-то, а что я когда-то видел, все помню. Хорошо иметь такую память, плохо, что эта память периодически имеет меня, напоминая о множестве

косячных поступков. Рядом лежало еще одно ружье, точнее нарезной мушкет, «Ли-Энфильд», причем новехонький. Также пара кремневых пистолетов, пяток ножей, два очень хороших и три попроще. Порох, пули, Дальнейший шмон дал мне две сотни золотом, пригоршню серебряных дирхемов и копеек, женские золотые украшения в красивом сундучке. Учитывая, что дама была полностью голой, какие-то содрали прямиком с нее. Впрочем, это не мои проблемы.

Лошади от меня шарахались, а мул вообще с ума сошел, попытался копытом ударить. В результате его постигла участь разбойников, от туши остались только щетина гривы и хвост. Энергии, кстати, добавило. Но значительно меньше. Учтем это, как и мою способность высасывать жизнь и душу. Серьезный подарочек Мара сделала. Тор, кстати, тоже. Та гроза и молнии – его дар. Если вдуматься – очень серьезный. В обычной тучке энергии как в паре бомбочек, что сбросили на Хиросиму. Сумею освоить... даже дух замирает от возможностей.

В общем, по ручью в реку спустился довольно увесистый тюк. В том числе и с хорошей одеждой местного фасона. А что, некое подобие тела у меня есть, может годов через несколько сумею и целиком тело выстроить. Воды вокруг полно, а человеческое тело что? Правильно. Вода!

Пару дней я тщательно разбираю трофеи, заодно прислушиваясь к новым ощущениям нового недотела. Судя по всему, я все-таки останусь человекоподобным существом. По

крайней мере, руки-ноги присутствовали. Правда, в воде у меня резко появлялись перепонки меж пальцев рук, а вместо ступней образовывались ласты. Да еще на морде лица появлялись усы-вибриссы, как у тюленя. Забавное зрелище, посмеялся я от души, рассматривая себя в небольшое трофейное зеркало. Потом сообразил, вспомнил уроки физики и создал из нескольких слоев воды ростовое зеркало. Поглядел на себя – с трудом, но пойдет. По крайней мере, покамест.

Вещи я завернул в широкое покрывало, и уложил в воздушный пузырь под корягу. Туда же на крупный, очищенный от водорослей и тины булыжник, а точнее валун, я сложил оружие. Оба ружья, пистолеты и ножи. Подумал и добавил сабельный клинок. Как-нибудь надо ножны для него сделать новые и рукоять, уж больно хорош клинок. В нарезной мушкет я практически влюбился, умеют англичане делать добротное оружие все ж таки. Особенно после того, как я пяток патронов отстрелял из него. Пистолеты же оказались немецким и французским, весьма послужившими. И выпущены они были: в тысяча восемьсот тринадцатом – немчура и тысяча восемьсот одиннадцатом – француз. А вот карабин изготовлен в тысяча восемьсот тридцатом, и он совершенно новый. То есть, сейчас примерно середина девятнадцатого века. Хоть какой-то ориентир есть. А то я ни в записках убитых ничего не понял, ни в книгах. По-арабски обе книги написаны, а записки и письма еще вроде как на французском, но я в арабском и французском совершенно ничего не по-

нимаю, валенок – валенком. Турки, что ль? Те, вроде как, с французами были сильно подвязаны...

Из трофеев меня больше всего беспокоили порох и готовые патроны. Да-да, именно так и было написано на вполне себе фабричных картонных пачках, в которых лежали эти самые «патроны». Для карабина с пулями, для мультука, как я понял, с крупной дробью. Представляли из себя эти патроны свернутые из вошеной бумаги трубочки, в которые был засыпан отмеренный заряд пороха, а также были положены или пуля, или в отдельном бумажном свертке дробовой снаряд. По инструкции требовалось скусить верхушку патрона, насыпать порох на полку замка, потом в ствол, после чего запыхивать бумагой и вложить (или дослать) пулю.

Для пистолетов таких умных приспособ не было; судя по всему, порох засыпался из пороховницы «на глазок», исходя из опыта стрелка. Пули для короткоствола были обернуты в пропитанную каким-то салом ветошь, и аккуратно уложены в две поясные коробочки из плотной кожи. Интересно, путешественники были явно людьми опытными. Как они умудрились попасться врасплох этим разбойникам?

Так вот, черный порох воды боится напрочь. И портится сразу и насовсем при попадании в него воды. Пока я рядышком, беспокоиться нечего, я не зря себя хозяином здешних вод чувствую, под водой ничего без моего желания не намокнет. Но смогу ли я так же контролировать этот омут, если уйду по реке вниз или вверх по течению на полсотни-сотню

километров? За дюжину верст туда-сюда я спокоен, в этом промежутке я уже каждую песчинку вижу, каждую рыбешку. Любую девицу, что купаться в воду лезет (а после потепления и первых гроз что дети, что взрослые с удовольствием в воду забираются) могу за титьку ухватить за десяток километров. Ощущения – будто живой ладонью трогаю, забавно. Девки, правда, пугаются. Им кажется, что рыба задела. Потому особо не озорую, так как кроме баловства смысла покамест нет, к сожалению.

Две темные души, что трепыхались около своих бывших тел у меня в реке, я съел. Нечего им тут бултыхаться, моя речка. Да и сил я от этой трапезы поднабрался изрядно, на что и рассчитывал. Даже чуть больше, чем целого оленя, которого я подловил на водопое. Красивый зверюга был, здоровенный, даже я сомневался сначала: сожрать или не сожрать. Но вспомнил, что благородных бухарских оленей перебили всех еще в конце девятнадцатого века, и потому решил не церемониться. Правда, пару оленух и крохотных длинноногих пятнистых оленят трогать не стал. В этом месте тугайные леса густые, сразу их вряд ли найдут. Пусть вырастут сначала, потом слопаю. Вот пару одичавших жеребцов и дикого осла-кулана я схомячил с удовольствием и без особых угрызений. Уж здорово эти блядуны жизнь местным табунщикам портили.

Мелкие духи около поселка оказались веселыми и безобидными созданиями. Правда, при нашей первой встрече

я их перепугал до смерти, если про нежить так сказать можно. Почти сутки уговаривал вылезти из кувшина. Но потом привыкли, и оказались изрядными шалунами. Судя по всему, детишкам уже несколько десятилетий, если не столетие с лишком, но сил так и не набрались, а точнее – выбрали свой предел. Все, на что их хватает, это опрокинуть корзину с бельем и утащить чьи-нибудь подштанники. Но здешние хозяйки к этому уже привычные, и потому бдительные. Да и порой подношение в реку кидают, в виде куска сухой лепешки. Тогда мелочь с неделю не озорует вообще.

Любимой забавой духов оказалось катание на водных колесах. Могут часами на них бултыхаться, особенно в лунные ночи. Охранники поселка в такие ночи стараются около берега не задерживаться, так как кажущийся в плеске воды звонкий смех их здорово нервирует. Старшие неженатые парни, кстати, ушли с караваном ранней весной.

Мелких детишек, что бегают купаться на песчаную отмель в полукилометре от поселка, я как-то на автомате охраняю. По крайней мере, бешеного шакала превратил в прах раньше, чем он успел кого-либо покусать. Боласята засверкали голыми задницами, удирая в поселок и вопя при этом как резаные. Вскоре оттуда примчались взрослые мужики, вооруженные кто чем, от мотыги до здоровенной жердины. Но никого не нашли, и успокоились. А детвора снова появилась через пару дней... неугомонные.

Аул Уртасай, двор Санджар-бая.

Санджар-бай, местный феодал, здоровенный седой мужик с аккуратной седой же бородой, прихрамывая, прошелся по выложенному резаным мрамором двору. Остановился около розового куста, нахмурившись, сорвал кремовую розу и понюхал цветок. После чего отшвырнул его и, взметнув полами шитого золотом халата, повернулся к стоящему неподалеку мужику.

– Ты уверен, Абдуразак?

– Да, бай, именно так и было. Шакал был. И исчез. Только шерсть осталась, много шерсти. Как раз там, где следы заканчиваются. И еще – пыль. Как раз такая, что тогда в одежде разбойников была, – обозначенный Абдуразак поклонился, подтверждая свои слова.

– Не нравится мне это, Исмаил-хаджи! Сначала это убийство и исчезновение тел бандитов. И на удар молнии не спишешь, пропали деньги Кемаля-эфенди и оружие его и его сына. Теперь вот это. То, что бешеный шакал не смог покусать детвору – хвала Аллаху! Но вот то, что он просто в прах рассыпался, по словам детей, и мой лучший следопыт это подтверждает... что мне делать, уважаемые? – И хозяин здешних мест повернулся к мулле и казию, сидящим неподалеку и внимательно слушающим.

– Пока ничего. – Подумав, ответил казий, здешний судья. – Законов, ни людских, ни божьих, это происшествие не нарушает. Мало ли что мог сделать Аллах в мудрости своей, чтобы оберечь малолетних детей?

– Злости нечистого в этом нет. – Согласно кивнул мулла, огладив белоснежную бороду. – Люди ни на что не жалуются, кроме обычного. Разбойники – это было неприятно, но опять же, их удалось опознать и найти гнездо. Кто бы мог подумать на этот караван-сарай? И из Коканда вам из канцелярии самого благословенного и наимудрейшего Мадали-хана благодарность пришла.

– На самом деле, Санджар-бай, нам всем, под вашим мудрым руководством, удалось разоблачить старую банду, которая промышляла на нашем тракте. На фоне того, что мы нашли в тайниках караван-сарая, пропажа оружия и золота небольшая неприятность. – Оживился казий. Еще бы, про те приговоры, которые он вынес младшим сыновьям и женам хозяина караван-сарая, написали газеты даже далекого Гурьева. Правда, русские несколько осудили его за излишнюю строгость, но отметили грамотность следствия и непредвзятость самого судьи. Удачно на суде тот русский путешественник оказался, и при этом был настолько вежливым, что прислал с оказией пару экземпляров газеты. Казий сейчас хранит их среди самых ценных своих бумаг. – Судя по всему, наш дорогой Исмаил-ходжа прав, зла в этом всем нет. Я бы даже сказал, да не прогневается на меня Аллах, что в реке проснулся ифрит. Мне мой дед рассказывал, что в некоторых оазисах живут духи-хранители.

– Не ифрит, уважаемый казий. Ифриты – помощники иблиса, да и состоят они из огня. А как вы правильно заметили,

что-то, вероятно, проснулось в реке. Мы живем на древней земле, уважаемые, до принятия истинной веры наши предки сталкивались со многими существами. – Мулла неторопливо перебрал четки и, помолчав, продолжил. – Не стоит торопиться и судить по паре эпизодов, благословенных, хотя и весьма загадочных. Но пока я зла не вижу. И не будем спешить, поглядим. Кстати, в Кичкина-ауле в водяных колесах точно кто-то живет. И уже не первое десятилетие. Я сам там ночью смех детский слышал. И опять же, зла в том нет. Вода вообще зло не держит. Ибо вода это жизнь!

* * *

Здесь, в этой речке и ее окрестностях, я прожил еще три полных года. Провожал парней по весне или осени в караваны, помогал местным дехканам с посевами риса, иногда баловал хорошей добычей пацанят и девчонок, которые бредешками ловили рыбу. Щипал молодых за сиськи и письки, когда те макали уставшие после летней работы телеса в речную воду. Катался с мелкими духами на водяных колесах при полной луне, пугая до дрожи сторожей.

Собрал в верховьях реки около двух пудов золотых самородков и золотого песка, и двадцать восемь крупных рубинов и сапфиров, а также в одном месте нашел месторождение платины и намыл пару пригоршней самородного песка и мелких слиточков. Пригодится.

Нашел затонувшую лет двадцать тому назад небольшую баржу-каюк с грузом шелка и выкинул ее на берег около Кичкина-аула, забрав разве сотню золотых из тайника и практически целый кулас – лодку-долбленку. Вот уж радости сельским бабам и девкам было, даже несмотря на то, что бай забрал половину себе.

Разок удалось стащить у накурившегося анаши путешественника саквояж с книгами, газетами и путевыми записками и двумя двуствольными пистолетами-хаудахами. На мое счастье, это был англичанин, ехавший к тому же через российские земли. Так что я был обеспечен чтением на полгода, зачитывая и перечитывая русские, турецкие и английские газеты, а так же Уильяма Шекспира и Перси Шелли. Узнал год, сейчас тридцать седьмой идет девятнадцатого века. Самое начало Большой Игры, то-то тут англичане и русские мелькают.

Те парни, что уехали с караваном по первой весне, вернулись только через год. И вернулись не все, и двое из вернувшихся приехали не так, как хотели. Одного убили разбойники, двух тяжело ранили. Еще один сгорел, как я понял из объяснений, от сыпного тифа. Так что человек предполагает, но даже боги не знают свой завтрашний день.

Невеста одного из погибших попыталась утопиться из-за великой любви. Я не дал ей засуицидиться, но помакал по речке девчонку основательно. И выбросил ее около юрты проходящих мимо кара-киргизов. Те не стали особо рассуж-

дать, мигом спеленали дуреху, а ночью торжественно пода-
рили младшему племяннику. Так что тот с молодой женой на
халяву, а эта дурочка, кроме того, что ублажает парня, еще
сейчас пасет коз где-то высоко в горах. Невесту второго по-
гибшего взял второй женой его родной брат, благо, что пер-
вой женой у него старшая сестра этой девчонки. У остальных
все сложилось нормально, даже у увечных парней. Они до-
гадались за время выздоровления выучиться грамоте на до-
статочно хорошем уровне, так что их с удовольствием взял
в помощники казий. Мытари и счетоводы всегда нужны.

Все, вроде бы, шло нормально.

Но младший сынок бая вырос шустрым безбашенным
парнишкой, а в одном из аулов выросла очень красивая де-
вочка. И однажды бай-бача в компании с парочкой гулямов
чуть старше умудрился застать эту девчушку тринадцати го-
дов от роду купающейся в одной из мелких и чистых речу-
шек.

Мозгов у пацана в голове и так было чуть, а тут, при виде
красивой обнаженной девочки, ему их вообще переклини-
ло. Да и телохранители-гулямы, идиоты молодые. Нет, чтоб
успокоить мальчика, напротив подначили. Короче, не получит-
ся у девочки сбежать по мелководью от горячего ахалтекин-
ца. И вырваться от сильного тренированного парня тоже не
выйдет.

А вот сумеет вырваться у того итальянский стилет и ткнуть
себя им в шею – вполне.

Аул Уртасай. Дом муллы.

– Ассалом алейкум, уважаемый. – Исмаил-ходжа, читавший до этого русскую книгу, подскочил от неожиданности и выронил лорнет. Пока поднимал его, пока протирал, нежданный гость невозмутимо помалкивал. А когда мулла наконец-то сумел протереть стекло и поглядеть на возмутителя спокойствия, то ему едва хватило мужества не уронить лорнет снова и не заорать благим матом.

Около небольшого хауса на скамейке спокойно сидел некто. Видом практически обычный мужчина, пусть в несколько необычной одежде, но вот слегка, так сказать, прозрачный. Чуть-чуть схож с янтарем, из коих сделаны четки, такой же светящийся на солнце. Но при этом подвижен и как бы это сказать... да, текуч!

– И вам мир, уважаемый... – мулла замялся.

– Что вам в имени моем, служитель единого бога? – Усмехнулось существо, встало и прошлось туда-сюда, не оставляя следов на крупном песке, – я б не явился вам, но тут такое дело. Бай-бача Эркин, да будет благословенна плеть его отца, загнал не ту добычу. Он решил взять силой девочку, Хилолу, дочь Сулеймана. На моей реке, без моего спроса. Девочка была категорически против, сопротивлялась, потом вытащила стилет бай-бачи и ударила себя в шею. Пропорола яремную вену.

– О, Аллах! – Мулла всплеснул руками. Сколько он разговаривал с этим бай-бачой, сколько объяснял ему варианты

поведения с молодыми девушками. Которые, как ни крути, кружат головы молодым парням. Неприятный случай, очень неприятный.

– Поймите правильно, уважаемый. Мне не нравится, когда обижают маленьких. А тут из-за молодого недоумка девочка себя почти убила. Я взял на себя ее грех, умерла она от моей руки. За это она будет мне служить в посмертии своем триста тридцать три года, три месяца и три дня. А с бай-бачи я взял жизнь его коней, по пять лет жизни с каждого гуляма и три года жизни с самого бай-бачи, ибо каждому отмерится по делам его. – Водяной сел на скамью в нескольких шагах от прудика и сорвал с яблони спелый плод, подбросил его на руке. И плод втянулся ему в руку. – А теперь я буду вынужден уйти из ваших мест лет на пятьдесят. Поймите меня, эта девочка – я ее могу сделать или женой, или дочерью названной, или ученицей своей. И в любом случае, выйдет существо достаточно могущественное, и при этом с все еще женскими инстинктами и манерами. И вполне вероятно, она захочет отомстить вопреки моей воле. Сами понимаете, женщины. Так вот, допустить возникновение темного духа я не могу, потому мы уйдем. Санджар-баю скажите, что его сын и его гулямы на острове за Кичкина-аулом. Их молодая тигрица охраняет, не вздумайте обидеть ее. Пусть бай выйдет к ней, поклонится и скажет, что пришел за сыном. Отдарится тушей барана, после чего тигрица уйдет в горы, далеко отсюда. Мелким водяникам в Кичкина-ауле каждое

полнолуние ставьте около колес кувшин простокваши, кладите свежую лепешку. Они, если потребуется, предупредят вас о возможной беде, уважаемый, например, о возможном сильном землетрясении. А я вынужден откланяться. И да, выкуп родителям Хилолы. – На скамью лег высокий столбик из золотых монет.

И водяной дух разлетелся мелкими брызгами, вдоль арка метнулась высокая волна, и только необычно свежий и прохладный воздух напоминал мулле о состоявшемся разговоре. Но тот не стал долго думать и, обув уличные туфли, совершенно неприлично для его возраста и положения потрусил к дому бая. Все-таки он не только духовник здешних правоверных, но и старый друг Санджара, а разговор срочный, и совершенно не для чьих-либо чужих ушей.

Сказать, как был удивлен бай, когда мулла пересказал ему свои переговоры с водяным духом, сложно. Но у здешнего землевладельца был острый ум и большой жизненный опыт, наработанный походами, боями и управлением немалого надела. А потому уже через полчаса из ворот его дома лихим скоком выметнулся небольшой оружный отряд. С самим Санджар-баем во главе. Остановился отряд только возле небольшой отары, всего на то время, чтобы перекинуть поперек седла крупного молодого барана. И воины поскакали дальше.

От берега заросший тугаем островок был отделен глубоким, по грудь рослым байским коням, бродом. И переправ-

ляясь через него, бай не мог отделаться от мысли, что сейчас он в прямой власти водяного. И это было очень неприятно. И с этим предстояло жить.

Бай-бача и его гулямы лежали на небольшой полянке посреди островка. А рядом возлежала и нервно стегала хвостом по бокам молодая тигрица. Молодая-то молодая, да уже размером с взрослую. Вообще, тигрята уходят от матери в возрасте трех с лишним годов, становясь практически взрослыми. Вот и эта полосатая красавица ушла от мамы искать себе свои охотничьи угоды. И угораздило ее выйти к этой реке как раз тогда, когда водяной вершил свой суд над молодым насильником.

– Не стрелять! – Еще раз предупредил своих взводящих курки солдат бай и соскочил с коня. Пусть годы ему выбелили бороду, но характер был все так же силен, рука все так же тверда, а глаз все еще верен.

Сдернув с седла у гуляма связанного барана, бай с поклоном положил перепуганную животину на землю и сказал:

– Я пришел за сыном. С миром пришел.

Тигрица встала, коротко рыкнула, подошла и ухватила барана за шею (только позвонки хрустнули), а потом, пройдя мимо бая и танцующих под всадниками лошадей, вошла в реку. И вскоре уже отряхивалась на другом берегу.

А бай бросился к своему глупому отпрыску. Ну как глупому? Вряд ли что было б ему, кроме нотаций от отца за порушенную девичью честь какой-то там дехканки. Ну, макси-

мум, пару раз камчой по спине прилетело бы, и то, несильно. Все-таки пусть и не наследник, не старший сын Булат, который сейчас учится в Стамбуле, но родной и любимый ребенок. А тут... бледный, без сознания. Гулямы тоже валяются рядом, как пустые хурджины. Но тоже живы, слава Аллаху. И ничего не сделать в ответ водяному, который укоротил жизнь его сыну и молодым гулямам. Невозможно бороться со стихией. Придется дальше жить с этим и учитывать это. Кисмет.

Тем временем мулла на шустро запряженной слугами бая арбе добрался до родителей глупой девчонки. И на данный момент сидел во дворе дома, заботливо обихаживаемый матерью отца девочки и его женой. Сам отец должен был прибежать вот-вот, с лесопилки бая. Аллах дал человеку умелые руки и светлую голову, и вот работал на немецкой машине он уже не первый год. Сначала подмастерьем, а теперь мастером. И это тоже имело значение. Семья Сулеймана была свободна и зажиточна. И он вполне мог затаить обиду и съехать от бая, долгов перед баем и его ростовщиком семья Сулеймана не имела.

Наконец калитка пропустила взмыленного отца семейства, который, коротко, но очень вежливо поздоровался с муллой и уселся напротив него. Это нормально, если такой человек, как мулла, явился сам в дом мастера и дожидается его – дело не терпит отлагательств.

– Бабушка и мать. Подойдите сюда, и слушайте. Осталь-

ные – брысь! – Голосом Исмаил-хаджи можно было воду в арыке заморозить.

И потому старшие женщины семьи послушно подошли к сыну и мужу и присели на корточки около него.

– Сулейман, ты правоверный мусульманин. Мне тяжело тебе это говорить, но дело не просто серьезное. Оно очень серьезное. Твоя дочь, Хилола, совершила глупость. Огромную, страшную глупость. – Мулла поглядел на побледневшего мужика, на замерших в ожидании женщин. – Она умудрилась стать рабыней водяного духа.

– Что? – Сулейман был мужик крепкий и много видевший. В свое время он так же, как и многие парни, ходил с караваном охранником, повидал Гурьев и Астрахань, Коканд и Самарканд. Умудрился завалить разбойника и получил с него саблю и пистолет, которые бережно хранились в сундуке. Он был грамотен, понимал по-русски и иногда читал достававшиеся по случаю турецкие и российские газеты. Но такого он не ожидал. – Но как?

Женщины молчали, только мать чуть ли не до крови прикусила ладонь, чтобы не закричать.

– Мы живем на древней земле, уважаемый Сулейман. Наверняка вы слышали про пэри, дэвов, джинов, ифритов. Далеко не все – сказки. Многое забыто, но иногда прошлое вот так проявляется, – мулла аккуратно выставил на резной столик все золотые, что получил от водяного. Ровно сто штук, разных эпох, стран и царей. – Она станет служить ему триста

тридцать три года, три месяца и три дня. Это – выкуп от водяного духа для вас. Он сказал, что уходит из наших мест на полста годов. Хилола, как его рабыня, последует за ним. Не надо искать его и вашу старшую дочь. Можете быть уверены, не найдете. Духи – у них свой мир и своя жизнь. Кроме того, не стоит беречь соседей. Сами понимаете, если я буду вынужден призвать комиссию из благородных и ученых мужей из Коканда и Самарканда... – Отец семейства и его женщины явственно поежились. – Соседям скажем, что девочку выдали замуж в Персию, по моему совету. Отправляйте за расспросами всех ко мне. Я найду, о чем рассказать людям.

И мулла вежливо откланялся, оставив семью в состоянии сильнейшего шока. Хвала Аллаху, водяной не жаден, сотня золотых огромные деньги для мастерового. Осознание свалившегося богатства частично перебило шок и горе от потери дочери. Да и как потери? Отцы и матери знают, что отдадут дочерей в чужие семьи, под чужую руку. Очень часто эта рука – совершенно недобрая. Но ничего родители поделать не могут, по шариату жена – собственность мужа. Да, развестись можно, но муж не позволит. Достаточно принудить жену к соитию, и все. В этом месяце развод невозможен. У мужчины множество прав. Обязанностей тоже хватает. Но никто ничего не скажет мужу, убившему жену в порыве гнева. Выплатит штраф казию в казну бая, и все. А то просто выгонит со двора без паранджи. В соседнем поселке таким образом муж избавился от вредной и глупой жены. Пинками

выгнал со двора без паранджи. А там его приятели побили ее камнями. И все. Нехорошо это, но по закону.

* * *

Надо сказать, что я совершенно не ожидал того, что произойдет. Попытка самоубийства девочки вызвала во мне страшную ярость. Нет, я был зол и до этого, но думал как все обыграть наименее опасным способом. Злить местные власти мне тоже не очень охота, мало ли какие сюрпризы есть у мусульманского духовенства. Но этот мгновенный проблеск стали. И девичья кровь в моих водах...

В общем, психанул. Девочку отправил в криокапсулу (да-да, у меня получается делать такие), молодого феодала шибанул водным кулаком, его подельников тоже. Ахалтекинца байчонка и полукровок гулямов сразу сожрал (слово не самое хорошее, буду в будущем говорить поглотил), с пазана и его присных взял часть энергетики, и замедлил скорость обращения жидкостей в клетках. Немного, но точно скажется. Проживут процентов на десять меньше как минимум. Золотые монетки, перстни бай-бачи, серебрушки с гулямов – забрал. Как и седла с оружием. Мои трофеи, пригодятся. У бай-бачи оказался английский капсюльный револьвер, тяжелая пятиствольная дура. Пригодится. Да и нарезной карабин хорош, французский. Тоже капсюльный, кстати. У гулямов два английских кремневых мушкета, русские

кремневые пистолеты. Сабельки у всех очень неплохи, ножи. Тот же стилетик забрал, отдам девчонке, когда переродится. Себя-то она фактически убила, пришлось запускать программу перестройки организма. Вот интересно, с ней мне намного проще работать, нежели с собой. Это, видимо, потому как основная информация записана в клетках, я просто ввел некий вирус, и организм меняется. Не знаю, сколько времени это займет, но не менее полугода. Успею привыкнуть, что у меня воспитанница появилась.

Вообще, сейчас у нее прошивается не только тело, но и сознание. И я в нем первоочередной начальник. Нет для нее никого меня старше, каждое мое слово для девочки станет законом. А это ответственность, ибо мы в ответе за тех, кого приручили. Экзюпери был прав, мир ему. Или будет прав? Неважно, впрочем. Именно потому я и не торопился обзаводиться подчиненными: ответственность – это серьезно. Пусть и, в основном, перед собой. Откуда такие знания? Так Лада подкинула. Сказала же, что сила и знания будут, вот и подарила. Да еще ладошкой по спине... касание богини тот еще аргумент.

А пока пришлось разруливать ситуацию с местным начальством. Благо, что я несколько наследил, и здешние уроженцы что-то заподозрили. Потому пустить туману и мороку вышло достаточно неплохо. Да и тигрица подвернулась удачно, эффектный штрих получился.

Пару недель я наблюдал за поведением бая, муллы, и от-

да девочки. Но те сразу повели себя, как будто ничего не произошло. Разве бай-бачу отправили на учебу в Стамбул, к старшему сыну. И мать девочки принесла тайком сверток с ее одежкой, швырнула в реку и ушла. Тихонько плача при этом под паранджой, видимо, смирилась. Забрал вещи, чего уж там. Все проще, девчачьих шмоток у меня нет совершенно.

За это время тщательно готовился, собирая вещи в давно мною высушенный кулас. Не так уж мало вышло, кстати. Саквояж англичанина, одежда, седла, оружие. Девочку решил пристроить в капсуле под днищем лодочки, мне так проще контролировать.

Вечерами сидел и думал, что делать дальше. Вообще, основная идея проста – надо со временем перебраться в Ташкент. Будущий крупнейший город Средней Азии, да и сейчас вполне себе торговый центр. И один из центров работоторговли, между прочим. Сейчас вокруг везде рабовладельцы, что в Афганистане, что в Персии, про Хиву, Бухару и Коканд и говорить нечего. И даже в России крепостное право еще не скоро отменят. Вот такие веселые дела.

Вообще, скоро в этих краях большущее веселье начнется. Мир-то здорово похож на мой прошлый. Если не прямо тождественен, пока, по крайней мере. А у нас в 1839-1840 годах был неудачный поход русских войск на Хиву и Бухару. А после еще веселее, Туркестан начали активно завоевывать. Причин множество. Тут и веселые ребята киргизы-кай-

саки, которые в нашем мире стали казахами, и хивинцы, и бухарцы вовсю грабят русские купеческие караваны, устраивают налеты на пограничные поселения, да и уйгуры забегают из Восточного Туркестана, с теми же жизнерадостными целями. А кроме того, как обезопасить свои южные границы, и желание попробовать достать индийскую жемчужину британской короны присутствует. Так что надо думать, что делать, ибо вместе с русскими войсками придет и православная церковь. А у попов точно есть опыт борьбы с мне подобными. Причем церковь особо интересоваться не будет мое поведение и мои поступки, ей хватит просто моего существования. М-да-с. Прятаться по болотам никакого желания нет. С другой стороны, насколько я помню, домовых попы особо не гоняют, и овинников тоже. Поглядим, опыт и импотенция приходят с годами.

Хотя, если особо не нарываться, и продержаться годов семьдесят – то минимум на столетие особых проблем не будет. Революция так тряханет этот мир, что даже чертям станет тошно. И уж точно всем станет не до скромного водяного. Так что просто живем, поступаем по совести, совершенствуемся, набираемся сил и опыта. Точно не помешает.

И надо до окончания процесса переделки организма Хиллолы успеть убраться верст на пятьсот отсюда и основательно осесть в каком-нибудь симпатичном, удобном, но малолюдном месте. Ибо я мулле сказал практически полную правду: девочка станет весьма сильным существом. И пусть

мои приказы не подлежат оспариванию, но когда это женщина не находила причин и возможностей сделать все по-своему?

Среди вещей, которые я забрал у англичанина, было несколько добротных карт, выпущенных в Санкт-Петербурге. В том числе здешних земель, без особых изысков названных общим именем «Коканцы». Именно так. Сравнивая с виденными мною картами, сразу видно множество отличий. Какие-то речки и города исчезли, никаких железных дорог и отличных автомагистралей. Ничего такого близко нет. Впрочем, в самой России тоже нет много чего.

По этой карте я примерно наметил свой путь и в начале осени двинулся в дорогу. Спокойно, и особо неторопливо. Какое-то время вел кулас из-под воды, потом мне это надоело, и я забрался в лодку. Уселся на корму, свесил ноги в воду. Лепота! Тут как-то поинтереснее, обзор лучше. Все едино, все что в воде, я и так контролирую. А тут красотень – солнышко светит, облачка небольшие, вон, пеликан летит. Красивый, зараза. А вон узбечонок в него из древнего мультика целится, жалко птичку. Впрочем, пацан явно небогат, если у него ружжо выдержит выстрел, и не промажет – то добыча его.

Гроыхнуло, над лодчонкой вспухло белое облако порохового дыма, здоровенная, почти пудовая птица завалилась на крыло и шмякнулась в воду почти впритирку с моей лодкой. Еще бы немного – и мне на голову.

Зацепив из воды еще живого, но оглушенного падением пеликана, я свернул ему шею и швырнул в пацана. Ну, рядом с ним, в лодку. Попал, что характерно. И помахал перепончатой рукой мальчишке, с раззявленным ртом провожающему меня взглядом. И что он такого необычного в обычном водяном углядел?

Впрочем, это я пацану позволил меня увидеть, а так-то на лодку морок наведен, с пары метров не заметишь. Нечего народ баламутить, и так у него не самая простая жизнь. Рабовладельческий строй он и есть строй рабовладельческий, феодальный мир он и есть феодальный. Пусть именно рабами мусульмане не являются, но почти все повязаны долгами. Далеко не все баи ведут себя так рачительно, как Санджар-бай. Некоторые из народа выжимают все соки, противопоставить вооруженной силе дехканину обычно нечего.

Впрочем, политика недолго занимала мое время, я развалился в лодке и просто лежал. Запоминал путь, фарватер, рельеф дна. Теперь мне необязательно было лезть везде самому, вода мне помогала, ластилась, как собака. Красота!

Две недели я не спеша спускался вниз по Сырдарье. Давно за спиной остались Коканд и Ташкент, я искал укромное местечко, чтобы устроить хорошую базу. Места тут не сказать, чтобы уж сильно обитаемые, вокруг тугайные леса, глухомань. По реке ходят кораблики, а вот именно на берегу здесь безлюдно. Так как почти сразу от берега начинается пустыня. Причем в обе стороны.

Только на северо-восток Северная Голодная степь, которая Бед-Пакдала, а на запад Кизил-Кумы. Потому берега глухие. Но всякие темные личности шастают, не без этого. Но немного, что мне и надо.

И вот, примерно посередине меж Ак-Мечетью и Туркатом я нашел укромный узбойчик. Полностью закрытый от большой реки тростниковыми зарослями и многокилометровыми тугайными лесами со стороны пустыни. Чего там говорить, только тигров здесь жило около пятидесяти. Это очень много, это значит, что кроме них, никто на кабанов или оленей не покушается. Да-да, здесь очень немало бухарского благородного оленя водится. Еще один показатель глухомани.

Берега узбоя были обрывисты, но что это для меня, когда почти вертикальная стена водопада или тонкая струйка родничка для меня широкая дорога. И потому я с удовольствием строил полевой стан, особо не заморачиваясь секретностью. Кулас был причален к старому стволу многовековой вербы, вокруг которой росли ее многочисленные внуки-правнуки.

Капсула с Хилолой была перемещена в расширенный мною очень чистый родник, с практически идеально прозрачной водой. Правда, это достигалось весьма высоким содержанием мышьяка и талия, но для девочки это не вредно. Напротив, редкоземельные металлы есть откуда брать. И остатки туши крупного кабана не портятся, которые я скинул в родник. А что, организм у девочки перестраивается, мясо

нужно. Не дай боги, коль подобное создание окажется около людского поселения в такой момент. От него останутся одни воспоминания, ибо пощады и меры ундины не знают в это время. Это у меня Хилола спит, ей для перестройки не надо рвать живую плоть и заливать кровью прибрежные пески.

Кстати, получается (точнее, уже практически получилась) необычайно красивая особь в обеих ипостасях. В человеческой Хилола почти не изменилась, разве волосы стали из черных черно-зелеными, с изумрудным блеском, и глаза из тепло-карих – золотисто-зелеными, как дорогой янтарь. И фигурка стала рельефно мускулистой, как у моей невестки после аварии, когда той пришлось взять себя в руки и, скрепив зубы, строить свое тело заново. Йога, гимнастика, танцы на шесте сделали из увечной молодой женщины необычайной красоты особу, от которой сыну приходилось порой колом местных блядунов отгонять. Пару раз и мне приходилось вступаться, двое-трое на одного – не самый честный расклад. На третий надоело. Я спустил Степу, своего амстафа, и Женьку, далматина. А потом вышел с «сайгой» и спокойно ждал, когда три заниженные тонированные «калины» уедут. Рядом стояла с подобной «сайгой» невестка. А также сын и зять с МР-133. Ну и псы рядом улыбались. К моему удивлению, даже нацгвардеец не пришел, только участковый при встрече укоризненно головой покачал и попросил успокоиться.

Надо ж, вспомнил и запечалился... удачи им и счастья в

родном мире. Так вот, в человеческом теле Хилола осталась очень красивой, ну, чуть модернизированной девушкой. Раз в три сильнее и выносливее, чем обычная девочка такого возраста.

А вот в обратном варианте... это нечто. Роскошный рыбий хвост, какому марлин позавидует. Тело хоть и безногое, но со всеми изгибами, чтобы у мужиков крышу сносило. Плотная чешуя ниже талии прямой (самый сильный) удар сабли выдержит или копыя. А выше еще интереснее. Красивые и очень сильные руки, гордая шея, очень красивое лицо защищены мелкой, плотной чешуей, переливающейся перламутром. На висках, от плеч к локтям, вдоль позвоночника к попе перламутр темнее, акцентирует внимание, кажется, что остальное тело беззащитно. А сиськи у девочки очень и очень хороши, любой взгляд, что мужской-жадный, что женский-завистливый, привлекут. На руках, на тонких-тонких изящных пальчиках, выкидные когти, способные пробить дюймовую доску. А красивые губы прячут великолепную улыбку морского леопарда. Причем, по моим прикидкам, в воде Хилола касатку взрослую опередит и круче любого осьминога сумеет в щелку просочиться. Великолепное создание, еще б ума бог дал. Но, вроде как, умненькая девочка была. Вылупится-выклюнется, поговорим.

Обустроив себе подобие дома, я занялся увлекательнейшим занятием, а именно шмоном реки. Сырдарья и Македонского видела, и Чингисхана с Тимуром. Про царьков по-

менее и говорить нечего. Ибо бессчетны. И потому всякой всячины на дне не просто много, а дохренища. Взять, например, десятка три костяков, оставшихся на месте переправы македонских всадников. Их, похоже, скифы Спитамена подловили и хорошо нашпиговали стрелами. За практически целые гоплитские доспехи археологи моего времени дали б себя изнасиловать извращенным способом. Эх, жаль я не в своем времени, знал я одну археологшу... под два метра, великолепная фигура, красивейшее лицо... она б меня на руках носила и оральным сексом при этом занималась бы.

Набрал за пару недель я со дна речки полтонны всякой всячины, имеющей стоимость, и весьма нехилую. Минимум бронзовые украшения времен царя Кира. Конечно, все занесено песком и илом, но именно потому сохранность порой идеальная. А для меня вещь в реке, неважно, пусть она под толстенным слоем донных отложений находится, обнаруживается достаточно просто. Как будто грибы собираю, надо тут под кустик заглянуть, там травку пошебуршить, а тут вот он, на самом видном месте. Мути я поднял, конечно, серьезной, но ничего, тут и так песка и глины несет, кой-где вода желтая. На самом деле, некоторые вещи как будто тысячи лет в иле не пролежали, почти нет коррозии. И это я пропускал всякие керамические кувшины и прочее, разве зарубку делал в своей памяти. Только пару кувшинов поднял, в них нехилая казна нашлась, золото и драгоценности. Остальное оставил на развод. А этого – тонны. Рано или поздно я, все

едино, русских археологов поймаю. И просто потребую (если к этому времени обрету пусть и модифицированное, но человеческое тело), чтоб меня дамы на руках носили и куньк сосали. И отдельно – антропологов, ибо тут и костяки неандертальцев есть. Почти целенькие, хорошо так окаменевшие.

Вот одну особенную пару костяков я не хотел тревожить. Странные они, скорее на орков похожи, нежели на людей. И над обоими закапсулированные души висели, привязанные к небольшим золотым амулетам. И, похоже, висели долго. Я их даже не тронул, просто рядом завис, а защита лопнула. Я б и души не побеспокоил, пусть их, если б они просто ушли, но они меня попытались атаковать. Причем одна душа достаточно умело это проделала, я хорошую плюху словил, аж звездочки вокруг закружились. Но защита у меня просто чудовищная, уже второй раз убеждаюсь. Просто отмахнулся и при этом не отпустил. Сожрал, точнее, поглотил. Не умею я пока иначе, нет умения и знаний. Мара – не Лада, создала нечто вроде фри-контентов в «Андроиде». Пользуйся, вроде почти нормально. Но хочешь хорошо – заплати. А лезть в ее платные системы страшновато. Хакнутые б версии найти.

Кроме этих поглотил еще десятка три неупокоев. Причем я особо не искал. Только то, что под ногами валялось. Собрала урожай реченька, говорить нечего. Хотя, тут места на события весьма богатые: тот же поход Македонского; Чингисхан, который Темучин, повеселился в здешних краях очень неслабо; Тимур, который Железный Хромец, тоже из этих

мест. Про походы и войны поменее и говорить нечего. Впрочем, повторяюсь.

Все б ничего, но тут на реке неподалеку оказалось нечто вроде места сбора людоловов и работорговцев. Потаенная такая ярмарка, чтобы не платить лишнего баям и ханам. И ненавижу я это местечко лютой ненавистью. Ибо в первый же вечер такого нагляделся. А под конец... с десятков пленников остались никому не нужны. Их вывели на пристань, и чирк ножиком по горлу. Деловито так. Столкнули тела в реку, в мою реку!

Той же ночью я уничтожил конный отряд расторговавшихся людоловов, ставший на ночевку неподалеку. Сожрал всех – людей, коней, псов, ловчих соколов. Никто не ушел. Только шмотки остались на земле. Да еще тучу призвал, ливневую. Смыло все в Сырдарью, вместе со стоянкой. Кроме того, на одной барже внезапно пропал экипаж. А невольники совершенно случайно поймали связку ключей. И это только начало, я сюда еще не раз наведуясь.

Кстати, оружия, и достаточно неплохого, у меня на взвод накопилось. Да и прочего барахла тоже. Не могу бросить, жаба давит. Складирую все у себя в небольшую пещерку, что нашел вверх по моему потайному узбою. Пригодится еще.

А пока можно и еще на охоту сходить. На пару здешних плоскодонок я маячки-метки поставил, за ночь успею шухеру натворить.

На борту большого каюка, под плотной крышей из камышовых матов, вдоль бортов сидели три десятка пассажиров. Каждый был аккуратно пристегнут стальным ошейником к идущей вдоль бортов старой цепи. Хозяин каюка, он же хозяин этих невольных пассажиров, успешный купец и торговец живым товаром, бухарский еврей Муса, сегодня был не очень доволен. Ни одной молодой женщины, и тем более девушки, желательно светловолосых, купить у кипчакского бека не удалось. Только мужчины, правда, молодые здоровые парни. Они тоже прилично стоят, так что совсем уж неудачным рейс назвать нельзя. На кокандском рынке прибыль в тысячи три тилля можно будет выручить. Но по сравнению с прошлым рейсом, когда ему удалось купить у Бекмурата дюжину светловолосых красавиц, неудача. Муса приберег девушек, продавать их повезет в Афганистан через месяц его племянник, удачливый в бизнесе, как говорят заносчивые англичане, Ибрагим.

Это было последним, что успел подумать работорговец, когда из ночной реки нечто практически бесшумно выметнулось, и перед ошеломленным купчиной встал дэв. Мощный. Высокий. Переливающийся перламутром под светом луны и звезд, холодный как зимняя пустыня. Пару попавшихся на его пути охранников дэв убил похода. Взмах руки,

и из спин несчастных торчат ледяные лезвия, а тела рассыпаются в прах. Прыгнувшего было за борт кормщика выкинуло волной обратно. Вдоль борта речного кораблика мелькнули спины речных чудовищ.

– Итак, что у нас тут? – В голове перепуганного купца прозвучал холодный насмешливый голос. – Надо же, какова удача. Целая усадьба около реки. Ну-ну. Схожу-ка я в гости.

И мир купца померк. Как, впрочем, и для его помощников, тоже рассыпавшихся прахом. А к ногам замершего от непоняток, происходящих наверху, оренбургского казака, упала тяжелая связка ключей. Ничего особенного, просто среди тяжелых амбарных ключей были фигурные головки английских отверток от кандалов. Ничего сложного или секретного, обычные резьбовые соединения, вот только их невозможно открутить пальцами, ногтями, щепками, костями... только добрая инструментальная сталь.

* * *

Через два часа, когда суматоха среди освободившихся так внезапно русских пленников улеглась, и десяток молодых крестьян сели на весла, пяток вооруженных трофейными мультуками бывших солдат легли за мешки с товарами, а наряженный кокандским кормщиком старый каспийский рыбак встал за румпель, прапорщик, попавший было в рабство, негромко спросил пожилого, но крепкого как скалу хорун-

жего:

– Что это было, Нестор Гаврилыч?

– Господь его знает, Александр Александрович. Гришка наш кой-чего видывал, по морю Байкалу и реке Амуру хаживал, так говорит, что водяной приходил. Не надо кривиться, господин прапорщик, тринадцать комплектов одежды, с оружием и личными вещами, вроде кисетов с табаком и трубок, просто валялись на палубе. И ни следа крови, ни звука боя. Просто плеск, просто шелест волн. Господь, он ведь много кого окромя людей сотворил. И старики бают, что водяные особо люд не тревожат, а некоторые в стародавние времена даже волости под руку брали. Вот по женскому полу, то оне все баюны и блядуны страшные, вода ж она переменчива и игрива, и хозяйева ее таковы же. – Козачина насыпал в трофейную трубку турецкого табачку, прижал пальцем и, пару раз чиркнув английским кресалом, с наслаждением затянулся дымом. – А еще говорили, что по некоторым рекам людоловам ходу нет. Просто нет, и все. Не любят водяные тех, кто волю рушит. Вода, она свободу любит. Так-то, вашбродь, в питерских академиях такому не учат, но земляца многое помнит, и те, кто живут на ней – тоже. Пока про это голову ломать не будем, Александр Александрович, нам бы до Аральской флотилии добраться. А вот потом стоит в церкву сходить, поговорить со святыми отцами. И Николе-Угоднику свечу поставить...

– Вы правы, господин хорунжий. – Уважительно кивнул

молодой офицер и с удовольствием поправил заткнувший за кушак пятиствольный «пепербокс», американской выделки револьвер, и перевязь с тяжелой арабской саблей-шамширом. Оружие придавало уверенность, что снова он так глупо не попадетя. Ну, или, по крайней мере, продаст свою жизнь, как и положено русскому офицеру, максимально дорого.

* * *

Уйдя с каюка, я вернулся к себе на базу, как начал называл свой стан. Хилола начала, так сказать, дозревать, и потому я старался почаще лично контролировать процесс. По моим прикидкам, ей еще минимум месяц, максимум полтора в таком состоянии находиться. А вот потом... потом у меня будет крайне веселое времечко. Пока девчонка привыкнет к своему новому телу и новым возможностям, пока осознает, что обратной дороги нет. Ничего, хоть поговорить с кем будет. А то меня одиночество тяготить начинает. Не с рыбами ж болтать. Хотя тут шикарные экземпляры встречаются. Пару сомов метра по четыре с лишним я видал, видел огромную, иначе не скажешь, старую щуку, про аральских осетров-шипов и говорить нечего. И это я еще до самого Аральского моря не добрался. Правда, до него уже добрались русские, сейчас у них там парусные и гребные суда, но уже скоро появятся пароходы. Буквально лет десять осталось, тогда противопоставить русским судам местные ничего не смогут

ни по скорости, ни по вооружениям. И это очень тревожит хивинского и кокандского ханов, а так же бухарского эмира. Потому здесь хватает англичан и турок; учат войска, продают оружие. Пока ханы сопротивляются успешно, тот же поход в следующем году закончится для русских неудачно, ну, если я особо не вмешаюсь. Но прямо скажем, таскать для русского царя плюшки и каштаны я не собираюсь. У него достаточно умных генералов, войск и оружия, чтобы сделать все самостоятельно.

Тут я с удовольствием поглядел на низкий добротный стол, который приволок сюда с месяц назад. На нем выложены мои любимейшие образцы здешней оружейной мысли, что я сумел зацапать. Два хаудаха, два пятиствольных револьвера, три одноствольных капсюльных пистолета, английский кремневый штуцер и французская капсюльная двустволка. Тоже нарезная, кстати. Постепенно собираю амуницию и одежду. Мое тело становится все совершеннее, точнее, оно уже весьма совершенно. Я умею принимать телесную форму, соответствующую мне сорокалетнему из прошлого мира по геометрическим параметрам. При этом я многократно сильнее любого человека, стремительнее, лучше слышу и вижу.

Другое дело, что при этом на человека я максимум только похож. Полупрозрачен, цветом на перламутр смахиваю, порой свечусь, как глубоководная медуза. Вообще-то красавец, но мой вид того же купчину-работоторговца перепугал до

обморочного состояния. Не испачкал он штаны только потому, что я не позволил, перехватив управление его телом и разумом. Ну да, энергии я с людоловов набрал много, а беречь работорговцев я особо не собираюсь, вот и тренируюсь на кошках. И потому я встал, с удовольствием потянулся и в следующий миг уже мчался по реке со скоростью полтысячи километров в час. Ну да, именно с такой скоростью я сейчас перемещаюсь. Прямо как волна-цунами. Могу до максимальных скоростей волн-убийц разогнаться, примерно до тысячи километров в час. Но тут мешает фарватер; при испытаниях на скорость я вылетел из реки километра на полтора. Летел, кувыркался и радовался тому, что убить меня такими трюками невозможно.

Так что через час я изучал поместье купца Мусы, или Мойсея. Или, как его соплеменники в Гурьеве прозвали – Мойши. Там он вполне себе благочестивым торговцем шелком и хлопком представлялся. Поместье было расположено километрах в сорока от Коканда, на берегу Сырдарьи. Насколько я понял из памяти купчины, это было сделано специально по многим причинам. Не надо кланяться всем встречным мусульманам, не надо унижаться, перед каждым слезая с осла. Про корабли и лодки в уложениях ничего не сказано. Ну а что нельзя подпоясываться поясным платком или поясом – веревка может быть из шелка или золотой нити.

Несколько добротных строений было выстроено единым комплексом, который включал в себя и небольшой заводик

по выработке шелковой нити. Жило здесь сотни полторы человек, но именно в хозяйских хоромы не больше пятнадцати. Плюс там же располагались пленницы-рабыни, специально, чтобы воспрепятствовать сексуальным вожделениям купчины относительно молодых и красивых женщин. Да и девочек тоже. Муса умел пользоваться их так, чтобы самого ценного не лишать. К его сожалению, ревнивая жена на корню рубила подобное. Потому-то сам Муса старался жить подальше, в городской еврейской махалле. Там и до веселых домов недалеко, есть где и с кем поразвлечься. Чего он не видел в усадьбе? Дочек и жены? А теперь ничего и не увидит, сволочь. Занимался бы бизнесом с шелком и хлопком, не тронул бы я его.

Поместье меня удивило. Жесткий порядок. Чистота, аккуратность. Причем нет свирепых надсмотрщиков с плетьюми, пара пожилых евреев словами управляет. Создается такое впечатление, что эти два управленца успевают повсюду. Даже рабыни к делу приставлены, в темнице на цепях не сидят. Перебирают и сортируют шелковые коконы. Девушки пусть небогато, но добротны одеты, сыты, обихожены. И командует всем вдова Мусы, Рахиль.

Вот честно скажу, не ожидал я того, что увижу. Потрясающе красивая зрелая женщина. Гордая, сильная, с прекрасной зрелой фигурой, красивым, породистым таким лицом. Тяжелыми черными косами, заставляющими горделиво нести голову. Какого хрена этот купчишка от такой жены бегал по

блядешкам? У меня лично от созерцания этой красавицы аж какое-то возбуждение сексуальное состоялось. Да рядом с ней еще одна подобная особь есть, только темно-рыжая, с волосами цвета потускневшей меди. Ее родственница, вдова погибшего брата. Насколько я понял, прячется от остальной родни мужа, которая хочет ее скорее замуж выдать, чтобы лапу на денежки наложить. Тоже не девочка, лет тридцати пяти, не меньше. По нынешним временам и мнению юного Пушкина, почти старухи обе. Но какие красавицы. Хм... водяной я или не водяной?

Оставшееся до темноты время я носился по реке, подготавливаясь к штурму очаровательнейшей крепости по имени Рахиль. И что, что я ее вдовой сделал? Я ж не виноват, что тот занялся таким делом? Нет, вроде как я понимаю, что по людским меркам я вроде как виновен, но опять же, по людским меркам, все имущество этого Мусы принадлежит мне, как трофей. И пусть кто-либо попробует это оспорить. Ну и женщины тоже. Дочки для меня неприкосновенны, я не трогаю и не обижаю маленьких, напротив, придется много чего для них делать. Но их маманя... не, меня реально завело.

Комната Рахиль.

Наконец-то день закончился, и женщина смогла уединиться в своей комнате. Последние годы муж практически не уделял внимания своей законной жене, а потом та просто брезговала мужем, занявшись откровенным блудом с малолетками. Благо, что многочисленная и влиятельная родня имела

серьезный вес в тесном мирке общин бухарских евреев. Но было тяжело. Нерастроченная любовь требовала выхода, тело просило ласки. И не того рукоблудства, что порой все-таки устраивала себе затосковавшая женщина, а серьезной мужской любви. Но такова женская доля в этом мире, мужчина – хозяин в своей семье. Ладно, хоть не блудит прямо в поместье, мерзавец! Появляется только, чтобы забрать готовую ткань и шелковую нить, и порой завозит рабынь на передержку. Рахиль устала твердить ему, что это опасно, что ее российские родственники говорили ей о том, что русские всегда мстят за свои обиды. Нет, жадность, жажда легкой наживы, все сильнее застит глаза когда-то веселому и чуточку сумасбродному парню. В грузном, чудовищно властном, хитром, порой откровенно кровожадном мужчине Рахиль не могла найти и следов молодого Мусы. А учитывая, что сыновей ей родить не удалось, то мужа она откровенно избегала.

В зыбком свете масляной лампы женщины распустила свои косы и долго расчесывала их гребнем. Вот уже и седые волосы встречаются, скоро старость. А глупое сердце просит счастья...

Налетевший ветерок качнул занавеску, рокотнул далекий гром. На ночном небе собирались тучи, довольно необычно для этой поры. Женщина встала, чтобы прикрыть створку, и замерла.

Перед ней, прямо перед грудью, шибая в голову тяжелым, сладким ароматом, появился прекрасный розовый цветок.

Уже распутившийся бутон, огромный, пурпурный. Почти черный в неярком свете.

Держала этот цветок мощная и сильная, но ухоженная мужская рука. Необычная. Как будто выкрашенная дорогой краской для тела, Рахиль пару раз видела подобные составы, которые стоили целое состояние.

– Даже этот цветок не может показать, насколько вы прекрасны, о великолепнейшая из великолепнейших. – Глубокий, игриво воркующий мужской голос заставил очнуться замершую было в изумлении женщину.

– Вы кто? Как вы сюда попали? – стараясь, чтобы ее голос звучал жестко и требовательно, отшагнула с разворотом Рахиль, и наконец-то увидела своего внезапного и незваного гостя.

Высокий. Много выше ее немаленького мужа. Широкоплечий, массивный. Добротен, очень богато, но при этом ненавязчиво-скромно одет по европейской моде. Красивое лицо зрелого мужчины, борода на европейский лад. На указательных пальцах обеих рук перстни с крупными камнями. На левой – серебряный с малахитом, на правой – платина с желтым сапфиром. Уж в драгоценностях Рахиль разбиралась не хуже ее дядюшки-ювелира. И неимоверно, чудовищно опасен, чутье опытной женщины прямо-таки вопило об этом. И необыкновенно притягателен, Рахиль едва сдерживала себя.

– Я? Мне везде открыты двери, где течет вода, – мужчи-

на улыбнулся, и показал на небольшой фонтанчик в глубине комнаты. – Я – хозяин здешних вод, уважаемая. Я водяной.

Рахиль вздрогнула и оперлась спиной на высокий трельяж с венецианскими зеркалами. Не зря у нее весь день было дурное предчувствие. Вот она, беда.

– Что вам надо? И где мой муж? – стараясь говорить спокойно и ровно, женщина нащупала за спиной выдвижной ящик и очень плавно открыла его. В ладонь уверенно легла рукоять небольшого пистолета. – Не шевелитесь или я вышибу вам мозги! Стр... Ай! – Хотевшую изо всех сил кликнуть охрану женщину поразила крохотная молния, точно в ладонь, державшую оружие.

– Ну вот. – Каким-то образом водяной подхватил пистолет и оказался очень близко к Рахиль, насмешливо глядя сверху вниз янтарными глазами. – Такая потрясающая женщина должна поражать взором, а не оружием.

– Я буду кричать! – Почему-то хриплым шепотом сказала женщина, чувствуя, как ладони мужчины легли ей на талию: одна плавно, нежно, пошла вверх, к вздымающейся груди; вторая скользнула вниз, к упругой ягодице.

– Можете не сомневаться, дорогая, я сделаю все для этого. – Шепнул ей на ухо водяной, лаская грудь, и сильно, но нежно сжал полупопие. – Вы обязательно будете кричать.

Рахиль запомнила, что ее подхватили на руки и понесли к кровати, прежде чем волна восторженного наслаждения затопила разум хозяйки поместья. За окном бушевала гроза,

ветер гонял потоки дождя, а на кровати кричала от наслаждения красивая женщина ...

* * *

– Почему ты не убил меня, как мужа, господин? – Потягиваясь, как довольная кошка, задала совершенно неожиданный вопрос Рахиль. – Ай! Синяк будет!

– Не задавай глупые вопросы, не буду щипать тебя за твою прекрасную задницу. – Я хмыкнул и огладил упомянутую часть тела. Весьма и весьма аппетитную часть, надо сказать. Впрочем, Рахиль весьма и весьма близка к совершенству, надо сказать. Длинные ноги, высокая и упругая грудь, ухоженное и чистое тело. Красавица, одним словом. И затрахал я эту красавицу позавчера и вчера до такой степени, что сегодня меня в постели ожидали две женщины. Рыжеволосая Марьям была сейчас не в состоянии что-либо говорить, любое мое касание вызывало новый оргазм, так что пусть отдыхает. Надо сказать, что мое тело – очень совершенная трах-машина; с душой отымел двух полных сил дам, а сам бодр и свеж. – Ты не работорговка, а шелкозаводчица. И моя добыча.

Эти ночи были бурные. Конечно, секс для меня не тот, что в человеческом прошлом теле, учитывая его недоделки. Того же семяизвержения покамест нет как такового. Но это не мешает мне получать весьма и весьма значительное удоволь-

ствие. Я ощущаю эмоции женщин, их наслаждение меня заводит, наполняет энергией. Можно сказать, вампирствую, но для этого приходится потрудиться. Да и та же Рахиль днем свежа и весела, неясно, кто с кого энергию тянет больше.

Про то, что я убил ее мужа и всю его команду, я сказал в первую же ночь. На что Рахиль ответила, что у нее есть три года, а пока он считается пропавшим без вести. Тела ж никто не видел? И не увидит. Она на удивление спокойно приняла эту новость, правда, сначала я пообещал, что не трону ее девочек. Да, проблемы будут, но рабби не станет настаивать на признании ее вдовой, а с остальным она справится. И даже девочек-рабынь не отдаст противному Ибрагиму... тьфу, мерзость. Содомит, английская подстилка.

– Ты снова уйдешь с первыми петухами? Тогда у тебя еще есть время. – Нежно отвернув меня от созерцания тела Марьям, Рахиль поцеловала меня в губы, подумала и легла на золовку, используя ее в качестве подушки. – Тогда, господин мой, напоминаю тебе, что раз ты соблазнил и пользуешься несчастную вдову, то попользуй еще разок. Сзади, мне понравилось. Да-да, именно так, ах...

Скоро я ушел, оставив дам приводить себя в порядок и отсыпаться. Заодно оставил список товаров, которые попросил купить, книги и газеты в первую очередь. Заодно оставил на расходы с полпуда золотого песка. Рахиль согласилась принять его по расценкам ее дядюшки-менялы. Ну и речного жемчуга отсыпал дамам. На серьги. Вообще, мое личное

мнение – для красивой женщины лучшая одежда это сережки, больше ничего не надо.

Восток дело тонкое, восточные женщины дело страстное. Если плод перезрел, то его достаточно нежно тронуть – он упадет в руки сам. Вот и Рахиль и Марьям упали мне в руки. Как там Лада сказала? «Живи и люби», вот и занимаюсь этим потихоньку. Но надо быть весьма осторожным, беречь женщин от подозрений. Женщина здесь никто, прав не имеет вообще, за малейшее подозрение в колдовстве, например, сразу смерть. Забывают камнями без особых переживаний, дело здесь привычное. Вчера еле выдернул одну девчонку, попала в самом Коканде. Рабыня сбежала от хозяина, переодевшись в мужскую одежду. Симпатичный пацанчик получился, косы обрезала. Кто б внимание обратил. Да вот беда – серьги забыла снять.

Она уж при смерти была, когда я умудрился ее сдернуть в неглубокий арык, только кровавые разводы по воде пошли. Поискали ее поискали, да разошлись. Только стражники подошедшие копьями в воду довольно долго тыкали, потом рукой махнули и ушли. Вот такие здесь дела, на востоке-то.

Вообще, странные впечатления от города. Одни мужские лица, женщины неприметны и незаметны, крадутся мышками вдоль дувалов. Те, кто побогаче, ездят в закрытых арбах, и только дочери очень важных мужей могут позволить себе проехаться на коне, прикрыв нижнюю часть лица покрывалом. И только потому, что от остальных мужчин ее прикры-

вают охранники.

Так вот, эта девица тоже в капсуле, рядом с Хилолой. Кто такая, как ее зовут – совершенно без понятия. И получится из нее что-то стоящее, тоже неизвестно. Чтобы получилась ундина, нужны четыре составляющие – юность, девственность, сильный характер и гибель в борьбе. Ну, кроме моего горячего желания спасти девушку. Юность – чтобы разум свободен был от жестко прошитых жизнью норм, иначе не произойдет его перенастройка и просто не запустятся остальные процессы. Сильный характер – чтобы справиться с чудовищным стрессом. Гибель в борьбе – чтобы понять необратимость перемен. А вот девственность – означает чистоту души. Это самое главное и самое сложное, иначе чудище выйдет, сильное и безжалостное. И с этой девочкой мне будет очень сложно, не дай боги, придется собственными руками уничтожить. Подумать страшно. Даже Хилолу буду лично пробуждать. И первые недели постоянно контролировать. А тут... ладно, сделано – не воротишь, буду надеяться, что все-таки выдержал девочку.

И кстати... там, на небольшом майдане, было страшно. До жути. До дрожи в коленях. Я не знаю, каким образом я сумел удержаться. И не смыть кровавым прибоем ту толпу из полусотни, в принципе, нормальных мужиков, которые бросали камни в маленькую девочку.

Я зашел вечером в дом одного из них, достаточно-умелого мастера по лепке из ганча – смеси гипса, глины и опилок,

которыми украшают потолочные углы. Здоровенный мужик ревел, как телок, размазывая сопли по лицу, а мать и жена молча сидели поодаль, с каменными лицами. Неладно что-то в ханстве кокандском. Помолчав, я ушел, оставив в небольшом фонтанчике пару розовых, как растворяющиеся в воде капли крови, жемчужин. Такие же я подкинул каждому из участников этого действа. И эту махаллю накрыло траурное молчание. Мулла бегал от дома к дому, но его молча встречали и молча провожали. Мужик, что сорвал серьги с девочки, повесился. Тихо было, как на мазаре.

Усмехнувшись, я было собрался к своим еврейкам, но углядел в углу молчаливого дервиша, который невозмутимо сидел в углу тэпа. Этот человек пытался успокоить людей до первого броска камня. А потом просто ушел в сторону и уже третий день сидел здесь. В углу. Ни ел и не пил.

– Сдохнуть хочешь? – я вытащил из его тощего хурджина пиалу, ополоснул ее, и налил свежей воды. – Пей или силком волюю.

– Тебе есть дело до грешника, джинн? – Дервиш глянул на невидимого для остальных меня и взял ослепительно чистую пиалу из старого китайского фарфора, отпил глоток кристальной и холодной воды.

– Не бери на себя чужую боль, дервиш. Она ломает спины даже богам. И я не джинн и не дэв. Я хозяин здешних вод. Скажи людям, что я взял их грех на себя, девочка станет хранительницей вод. Не здесь, ибо не заслужили. Но учтите,

вода переменчива. – Я усмехнулся, наполнил его кувшин такой же кристально-чистой водой и исчез с площади.

Ну а что, надо ж мне как-то начинать формировать о себе общественное мнение. Да и за девочку хоть так, но пистон вставлю. Я много что знаю, в воду именно здесь добавляю кой-какие вытяжки из растений. Чувство вины, депрессия, подавленность. Да еще бабы... они вроде здесь послушны и покорны. Вроде и как. Баба, особенно родная, может молчанием плешь проесть и мозг выесть чайной ложечкой. А женщины не любят, когда женщину обижают именно потому, что она женщина. Потому как это каждой их них касается. Загнобить соседку, оболгать красавицу, облить помоями конкурентку – это бытовуха, это реальность. Но здесь забили девочку только за то, что она женщина, и практически бесправна. И потому бабы дали мужикам молчаливый истерический концерт. Да еще я на психику воздействовал, вон, один даже в петлю полез. Его выбор, кстати, видать, много чего на душе черного.

А вот дервиш непростой... три дня не пить, не есть и оставаться в полном сознании, ясном рассудке и практически без упадка сил, это далеко не каждый может. Да еще почти неподвижно сидеть... похоже, какой-то подвижник. Есть тут такие, говорить нечего. Вроде грязный как черт, не ногти на ногах, а когти звериные, одежда из лохмотьев состоит – а он пять раз от Мекки до Коканда и обратно на своих двоих прошел, кучу книг перечитал, что Коран, что Святое писание

с любой страницы может цитировать и толковать. С такими связываться опасаются. Я связался, но я просто устал всего опасаться. Да и зол на толпу фанатиков, в которую превратились обычные работные мужики. А этот дервиш может хорошие проповеди устроить, в том числе и против меня. Ну, в этом случае просто уйду. Только евреек своих заберу, с присными. Потому как еврейские погромы устраивают при любой заварухе.

И, насвистывая «Марш артиллеристов», я решил не откладывать свой визит к племяншу Мусы. Рахиль обмолвилась, что тот не только свою задницу подставляет, но в последнее время стал большим любителем мальчиков, которых скупает на невольничьем рынке. При всей своей прелести все же Рахиль дитя своего времени. Для нее многое хоть и печально, но обыденно. С другой стороны, иначе она ни за что не решилась бы привести мне Марьям, после всего лишь моего замечания. А рисковать расположением такой женщины я бы не стал, заводить еще одну интрижку у нее под носом не решился бы. Зато сейчас красота, две прелестные дамы соперничают в постели. При этом я все едино ушатываю их в хлам, главное при этом не спалиться. Впрочем, в поместье все подвязано на Рахиль, других тут нет. Да и глушу я звуки, а вваливаться в хозяйскую спальню категорически не принято.

За этими мыслями я по хитрой системе арыков и акведуков просочился в дом, в котором жил Ибрагим. Неплохо так

жил. Свой, пусть и небольшой, дом, в очень хорошем месте в еврейском квартале. Выезд есть, правда, специфический. Евреям на коне нельзя ездить, строго на ослах. Зато осел... здоровенный зараза, величиной чуть ли не с породистую лошадь. И в арбу запряжен, чтобы с седла не слазить, приветствуя встречных мусульман. Похоже, куда-то Ибрагим намылился, раз слуги суетятся. А вот и он. Дорогой халат, подпоясанный веревкой из шелка. Пейсы из-под тибетейки, завитые как пружинки. Куда это он? Впрочем, не мое дело, пусть его. Может к маме в гости. Сыновний долг исполняет.

Пока хозяин дома собирался, скача из дома во двор и обратно, я обошел дом и двор. А что, просто отвел глаза и прошелся. После чего вытащил из клетки трех избитых до состояния «вот-вот издохнут» пацанов и рванул я ними в свой укромный уголок. Скотина этот Ибрагим, не знаю, что ему мальчишки сделали, но ведь они точно померли б завтра-послезавтра.

Так у меня в капсулах очутились три пацана-малолетки. Я не лекарь и не врач, лечить повреждения внутренних органов не умею. Только такой вариант, не отпущу я мальчишек на перерождение пока, мне помощников не хватает. С мальчишками вариант чуть другой, они не хвостатые, а со щупальцами в водном варианте. Но тоже неплохо. Конечно, это не их выбор, а мой, но у меня добровольцев нет. Может, стоило бы пройти мимо или добить ребят, но не смог. Да и бог его знает, что б еще удумал этот кажущийся человеком

Ибрагим. Зря он так... каждому воздастся по делам его. Да и дворня его, тоже свое получит. Каждый ест свой хлеб и сам платит за него.

Хилола скоро вылупится, пару месяцев придется нянькой побыть. Ее сестрица развивается много быстрее, уже у меня умения и силы стало значительно больше. Пацанята тоже полгода в капсулах висеть не будут, максимум пару месяцев. Скоро у меня целый детсад будет, интересно, время на потрахаться останется.

К Ибрагиму я наведалься через три дня. При этом сначала предупредил Рахиль, которая внезапно затеяла жуткую суматоху по погрузке вещей в три баржи-плоскодонки. Примерно раза в три больше любимого каюка ее пропавшего без вести нелюбимого мужа.

Дворню-мужиков я убил ледяными лезвиями, просто и эффективно. Удар – смерть. Глупцы, не стоит над ними издеваться, пусть уходят. Баб шуганул, да так, что сверкали пятками как оглашенные.

А вот Ибрагима... он, сволочь, домучивал новенького пацанчика. Паренек лет тринадцати, распятый над жаровней. За несогласие просто подставить задницу... садист гребаный.

Пацан затих, принятый мной в мою еще несостоявшуюся свиту. А этот пидор, эта проблядь... я его на сосульку насадил. И сдохнет он на ней, как кус дерьма. Ибо ни поглощать его, ни даже близко дела с ним я иметь не хочу!

Итог всего этого – четыре мальчишки от двенадцати до пятнадцати в капсулах, и людьми их даже родная мама после окончания перерождения не назовет. Ибо они сув-эиси, хранители воды. И я одно понял. Что бы и как бы не было – я за русских. Ибо пусть я сейчас водяной, но я природный русак, и русские тянут сюда волю и знания. С той же раштой научатся бороться только при русских. Но я сделаю все, чтобы имена Амир-Тимура, Аль-Хорезми, Аль-Хомейни, Ибн Сина, он же Авиценна, Спитамена и Зулькарнайна были известны по всей Руси. Ибо это юго-восток, мягкое подбрюшье нашей страны. Нельзя его терять, оно должно стать своим. Чтобы императоры приезжали в Ташкент, Коканд и Самарканд, чтобы мусульмане и православные устраивали по этому поводу праздники. Это сложно, но я устал прятаться. Я – Водяной! Это мои реки, мое Аральское море! Мои горы и пустыни! Мне нравится мир, где в Ташкенте летом ходят по площадям красивые девчонки в открытых платьях, где можно с запада на восток и с юга на север просто купить билет на самолет и лететь хоть на Камчатку или в Карелию. Ну, или на дирижабль. Поглядим. Но страну строить буду, ибо запрета нет, а есть «живи и люби». Но как можно жить и любить, когда такая хрень творится? Пусть сотня годов уйдет – слово богини есть слово богини, мне сказано творить! И я буду это делать!

Додумав эти наполненные пафосом мысли, я остановился. На данный момент я занят изучением реки Чу-чуй, в бу-

душем Чу. И да, знаменитая своими конопляными полями долина именно вдоль этой речки и идет. Сейчас она впадает в Сырдарью, а в будущем, насколько я помню, ее разбирали на поливы, и речка терялась в песках... так вот, я тут все спокойно, тихо и мирно изучаю, а к воде вышло прелюбопытное создание. Ночка лунная, безветрие, черная, как антрацит нагая девичья фигурка с горящими багровым пламенем глазами на фоне стены тростника смотрится весьма интересно. И кто это такая? Фигурка дернулась было, пытаюсь скрыться, но поздно. Тут везде вода, мои владения. И потому чернушка оказалась запертой в ледяную сферу. Лично по мне – крайне удобно. И добыча не повреждена, жива-живехонька, и энергозатраты минимальны.

Впрочем, чернушка явно со мной не согласна и потому пытается расколотить сферу совершенно не девичьими ударами. Да еще огнем попыталась сжечь, глупая. Чуть не сварились в итоге от раскаленного пара. Хорошо что я успел сферу на середку Чу вытащить, обнулil ледяной барьер и сжал фигурку водными тисками. Малышка еще пару раз попыталась сформировать огнешары, но явно обессилила. Хотя, какая малышка? Вполне себе взрослая особь, просто ростом невеличка. А так и фигурка взрослая, и лицо уже не девочки, хоть и совершенно нечеловечье. В итоге я усадил ее на отполированный ветрами, волнами и временем ствол дерева, давным-давно выброшенный на крохотный островок посреди Чу-чуя. Кстати, и не нагая, просто одежды маловато,

повязки из черного атласа на груди и бедрах, и на маленькие ножки туфельки из прекрасно выделанной кожи обуты.

– Понимаешь меня? Говорить можешь? – на основном, кокандском диалекте узбекского спросил я.

– Да. – Особь горделиво вздернула носик. – Но не буду. Можешь убить меня.

– Глупая. Ты ведь дева песка, песчаная пэри? Я знаю, как тебя подчинить, ты знаешь... но я не хочу тебе насиловать. Оставляй здесь тоже не хочу и не буду, люди тебя все едино найдут. Попытаются подчинить и убьют. Сама ведь понимаешь? – Я полюбовался горящими глазами нелюди. Ну да, понял я, кто это такая. Девы песка, песчаные пэри – пустынная нелюдь. Вроде лесных эльфов, живут долго, стреляют из луков, бросаются огнем, скачут на куланах, обязательно белоснежных. Мало их; тот, кто сможет схватить такую деву, и лишит девственности, обретает над ней власть. И тот кус пустыни, на котором властвует эта пэри, вместе с ней переходит во владенья мужчины. Та еще лотерея: девы пустыни – это не драконы, пещер с сокровищами у них может и не быть. Да, еще эта дева становится смертной, гибнет вместе с владельцем. Точнее, ее смерть идет вслед за гибелью хозяина, такая вот подвязка. Хотя, я водяной, век мне отмерен немалый, барышня мне попалась пусть и экзотическая, но очень красивая. А потому я взял эту особу в охапку, и рванул к себе, на свой стан. Буду соблазнять, а этим лучше заниматься хоть под какой-то крышей и хоть на каком-то ложе. Ложем у

меня служит отменный айван, так что займусь. Потому как рано или поздно пропадет эта малышка, людей все больше и больше, оружие все совершеннее, так что пусть мне подчиняется. У меня она не только обязанности приобретет, но и покровительство.

Поначалу пустынноца трепыхалась, но когда поняла, с какой скоростью я несусь – удивленно замерла. А когда я вылетел из-под воды у себя в узбое и опустил ее с рук, стояла не дергаясь. После чего медленно, очень медленно обошла стан, постояла около капсул в основательно углубленном и расширенном роднике, и повернулась ко мне. Оценивающе оглядела, поглядела на айван – и одним длинным прыжком оказалась на нем. Глядя на меня, скинула туфельки, стянула свои шелковые тряпочки. И медленно опустилась на колени, поклонилась, касаясь грудью покрывала, вытянула руки ко мне. Поза полного подчинения.

– Господин мой, возьми меня и владения мои под власть свою! – формула полного подчинения. Я чего-то не понял, во что я вляпался. Но сказал «а», говори «б», никто меня за язык не тянул. Да и уж больно привлекательно смотрится миниатюрная фигурка, пусть и полностью, от ногтя до волоса, черная.

Так что взял. И еще разок, и еще. Интересно такую крошку крутить, чисто по-мужски. А потом завалился отдыхать. Спать-то у меня не получается, просто лежу полчаса-час, смотрю на тугаю, пустыню, звезды над горизонтом. Под бо-

ком притулилась красавица-нелюдь, я сейчас примерно как Арагорн с его эльфкой, только я еще круче. Бгг.

– Господин, ты возьмешь в свиту свою еще трех моих сестер? – грудь мягко корябнули коготки нелюди.

– Ты мне сначала имя свое скажи. – Я аккуратно взял пэри за запястье, и осмотрел ладошку. Красивые пальчики, нежная кожа. И острые коготочки, которыми и горло распластать, и сердце вырвать можно. Поцеловав каждый по очереди (пэри явственно вздрогнула), я завалился на спину, и уставился в испещренное звездами небо.

– Аяна имя мое, господин. – Чуть слышно прожурчал голос моей пэри.

– Интересное имя. Арабское или бурятское? – И там и там есть подобные, только основаны от мужских имен.

– Согдийское, господин, – так же, чуть слышно, прожурчало необыкновенное создание у меня под боком.

– Чего? – Сладостной дремы как не бывало. Я подскочил и уселся, ошеломленно глядя на безмятежно-раскинувшуюся на шелковом китайском покрывале пустынную. – А сколько лет тебе, Аяна?

– Что года для таких как мы, повелитель? Ты молод и наивен, меришь все по опыту своей людской жизни. Двадцать два века мне будет через половину века, если тебе это интересно. – Пэри чуть повернулась, изогнувшись. Вот никогда бы и ни за что бы не дал этому созданию тысячелетия с лишним.

– Не думай о секундах свысока, красавица. – Я чуть шлепнул по упругой тысячелетней попе. – Что ты говорила о своих сестрах?

– Вдоль этих рек живут еще три мои сестры. Нас осталось очень мало, господин. И они тоже будут рады твоему покровительству. Мы сильные, послушные. Много знаем и много умеем, господин. Мы не будем тебе надоедать. Появимся, когда призовешь.

– А они будут согласны? – Ай, пошла такая пьянка, режь последний огурец. Создания, сумевшие прорваться через века, стоят общения. Меня распнут историки, если узнают, что я упустил такой шанс.

– Я спрошу их, повелитель. – Аяна встала на колени, и, сложив руки на груди, поклонилась.

– Хорошо. А пока – ты Македонского видела? И Спитамена? И вообще, как у тебя с памятью? – Два следующих дня я слушал рассказы о походе великого македонца по этим землям. Вот кажется, Аяна тогда была совсем юной, молоденькой согдианкой. Сопливая тринадцатилетка. Да, по тем временам девица на выданье. Но от этого она взрослее не становилась, много ли она могла видеть и тем более понимать? Но рассказывает так, что я сижу, развесив уши и открыв рот. Как будто сам там побывал и все это вижу. Вижу, как полыхает родной поселок Аяны, и как она, сбежав в пустыню от объятого пламенем поселения, каким-то образом переродилась в ту особу, что я сейчас держу на коленях и прижимаю

к себе с немалым удовольствием. И дело не только в совершенном теле, сколько в знаниях и опыте, уме и легком характере. С другой стороны, попробуй проживи столько буйкой. Хотя, из черепашек, которые остались за этой особой, точно курган можно сложить, я в этом уверен. Интересную я себе подчиненную подобрал. И если сестры ее согласятся – и их подберу. Как говорил товарищ Сталин – кадры решают все! И вопрос, будет ли он здесь такое говорить? И родится ли вообще?

– Так, с тобой все здорово-ладно? – проверив капсулы с детворой, я присел на айван, где скромненько притулилась пустынно и замороженно перебирает жемчуг. Реально замороженно, как я ей вручил основательную чашку с собранным мною с горной и очень чистой речки урожаем, так уже часа четыре пересчитывает, перекладывает, пересматривает. Похоже, не зря говорят, что пэри можно отвлечь, коль пригоршню бусинок кинуть. – Эй!

Я резко хлопнул в ладоши. Аяна подпрыгнула, растерянно заморгала, потом глянула на руки в чашке и смущенно спрятала их за спину.

– Так, без меня не трогать. А то зависаешь, как старый процессор. – Я забрал чашку и поставил ее наверх, на полку. – Тебе нужно быть в своих владениях? Или постоянно не обязательно?

– Я вообще могу раз в столетие там появляться. Пустыня сложно меняется. – Очаровательно улыбнулась кум-пэри-

си. – Если вы не против, я тут огляжусь, пробежусь. И при-
смотрю за этой девочкой заодно, для нее много лучше будет,
если ее еще и женщина встретит.

– Отлично, я тебя именно об этом и хотел попросить. –
Да, моя власть над пэри близка к абсолюту. Но нужно ли
это мне? Взаимное сотрудничество намного лучше, ибо все,
что делается ей на пользу, в конечном итоге принесет пользу
мне. – Я на пару суток отлучусь. А пока – надень это.

И я протянул пустынище простую и скромную розовую
жемчужинку, диаметром около дюйма, надетую на толстую
шелковую с золотом нить.

Чудесное создание только глянуло на нее, повернулось ко
мне спиной и приподняло роскошные волосы руками, обна-
жая тонкую шею. Заигрывает, однако. Женщина она всегда
женщина, даже если ей двадцать два века. И еще показывает
свою покорность.

Завязав на шее прочный узел, я повернул пэри, поправил
жемчужину, чтобы она находилась ровнехонько во впадинке
меж грудями.

– Это моя попытка артефактостроения, Аяна. Функций
две – можешь меня дозваться, и отвод глаз. Отвод простей-
ший, но достаточно эффективный. Всем будет казаться, что
ты на пару шагов дальше, чем есть на самом деле. И поймать
много сложнее, и из ружья попасть уже очень сложно, почти
невозможно, разве стрелок чудовищно косоглаз и криворук.
Позвать тоже просто – рукой сожми и мысленно меня клик-

ни. Ты очень сильная, меня верст на пятьсот дозовешься. А если на берегу ручья или реки, то и тысячи на полторы.

– Спасибо, повелитель. – Глаза пэри полыхнули оранжевым.

– На здоровье. Я побежал, не скучай тут. И тигров мне не разгони. – В следующий миг я уже мчал по Сырдарье. Нужно заскочить к евреечкам, потискать их как следует, пока мы не расстались. Судя по всему, дело идет к этому. Сначала меня испугались, но заинтересовались. Потом отдались и наслаждались. А вот когда я содомита с присными ушатал – ужаснулись. И судя по всему, будут бояться все сильнее. Так что пока страх просто придает пикантности ночным кувырканиям, но скоро будет вязать язык и руки. Или наоборот, развяжет и то и другое, а мозги выключит. Не стоит до такого доводить. Нужно исчезнуть вовремя, оставив женщинам после себя сладостные воспоминания, чтобы порой ночами с бьющимся сердцем просыпались.

Ну и забрать нужно то, что мне должна была купить Рахиль. Дамочка крайне деловая, наверняка уже все сторговано и упаковано.

Собственно, именно так и оказалось. Рахиль купила мне несколько комплектов одежды (и дорогой новой, и добротной, но чуть подержанной); обувь; по ее заказу были изготовлены ножны и рукоять для шамшира, а также добротная подвесная для него, кожаный пояс с парными кобурами для револьверов и разгрузка с кобурами для хаудахов. Стальной

шлем-мисюрка с кольчужным подвесом, чтобы шею и плечи прикрывал, добротная бригантина с кольчужными рукавами по локоть. К моему удивлению, нашлось даже седло западно-американского типа, с высокой лукой и чехлом для винтовки. Шелковое белье; всякие мелочи, вроде опасной бритвы или круглой фляги. Книги, карты, подшивки газет и журналов. Порох и пули для пистолетов и винтовок.

Все было уложено в небольшую лодочку около пирса, кроме комплекта новой одежды и обуви. Которые я сейчас примерял, крутясь около высокого зеркала в комнате Рахиль. Означенная дама и Марьям с глубоко скрытым волнением наблюдали за мной.

– Вроде как отменно. Что скажете, дамы? – Из зеркала на меня смотрел крепкий мужик лет сорока, в белой бумажной, как здесь говорят, сорочке, синих шароварах, синих же сафьяновых сапогах, подпоясанный синим с золотой нитью платком. Голова прикрыта скромной тибетейкой тисненой кожи, с шитыми золотом узорами орнамента.

– Вы очень красивы, господин. – Практически хором ответили обе дамы. Репетировали, что ль?

– Отлично. Я доволен. А теперь, будьте добры, скажите мне – что вас так тревожит? – Я уселся на прикрытый курпачой айван.

Дамы переглянулись, и Рахиль, набравшись смелости, попросила:

– Отпустите нас, господин. Мы без ума от вас, но мы иг-

рушки в ваших руках. Вы очень могущественны. Что для вас две женщины? Так, изящные скорлупки, сломаете незаметно. Вам будет в лучшем случае грустно, а нам будет больно. Или вообще ничего не будет. У меня две дочери, господин, родичи, которые живут со мной, слуги. Вы сумели напугать нашу общину, а испуганный человек опасен. Пока никто не знает о ваших посещениях, но не ошибается только бог.

– Господин, вы сказали, что любите свободу и ненавидите рабство. Но мы смиренно просим вас именно о свободе. Мы не можем отказать вам, вы сильнее всего, что мы знаем – и этим делаете нас рабынями. Увы, господин, вы этого не заметили, но это так. – Марьям подняла на меня глаза. На ресницах слезы, по щеке слезинка катится. Или на самом деле настолько сложный выбор, или величайшая актриса в ней спит. Хотя... это мне все таким легким кажется. Кошке-то игрушки, а мышке слезки.

– Я сам хотел вам это предложить. Оставаясь с вами, я подвергаю вас опасности. Вы обе правы, девочки. Но сегодня – ночь наша. Вы обе будете помнить меня всю жизнь, красавицы! – И я легко поднял обеих женщин в воздух, ухватив их руками под весьма фигуристые нижние девяносто с лишком, и пару раз повернулся на месте, заставив дам взвизгнуть и прижаться ко мне. – Все, что нам нужно сейчас – это немного любви.

Видимо, осознание того, что жутко-страшный (но очень привлекательный) водяной дух не собирается их кабалить,

раскрепостило дам, и мы выдали такого жара, что записи нашей групповушки не стыдно было бы на серьезный порно-ресурс выложить. Я настолько впечатлился этой групповушкой, что думал о ней даже пробираясь по арыкам Коканда. Еще б раздваиваться научиться, с сохранением сознания и осязания. Но это уже высший пилотаж, и я не уверен, что он мне станет доступен иначе, кроме как в иллюзиях. А так неплохо б, восмикрылый семичлен, бва-ха-ха...

От моего демонического смеха в канал упал задремавший было стражник. Учитывая, что он был в кольчуге и при сабле – сразу на дно пошел, камнем. Но настрой у меня до сих пор добрейший, потому выдал ему пинка, от чего служивый вылетел на берег. Как раз в подбегавших к берегу для его спасения сослуживцев. Блин, бедные ребята, синяков насажали. Ничего. Лечение грязью полезно, и потому на десяток ханской стражи вылетело тонны полторы жидкого ила. А нечего каналы загаживать. Суматоха вышла знатная, прибывшая на помощь дежурная полусотня долго носилась с зажженными факелами по городским улочкам, ища нарушителей. Под горячую руку попали несколько грабителей, которых основательно побили древками копий.

А довольный я неторопливо рулил на лодочке, бултыхая ногами в воде. Пара озорных полутораметровых шук пытались ласково откусить мне пальцы, но были биты мною по головам, и выкинуты на берег, как раз к ночующим под камышовыми навесами бродягам. О, а это что за знакомая морда?

И такая грустная?

– Что не спится? – Я остановился около грустно сидящего на камне знакомого дервиша.

– Спина болит. – Пожаловался тот. – Я рассказал все, что вы сказали. Но мне не поверили, а казий приказал, с согласия муфтия, дать мне десять палок. Хорошо хоть флягу не отобрали. Пусть еды нет, но ваша вода позволяет не чувствовать себя голодным.

– Хм... – Я внимательно поглядел на бедолагу. Высокий, жилистый. В изношенных, но свежевystиранных шмотках. Ногти на руках и ногах грубо, но обрезаны. Волос чистый. Глаза ясные, умные, хитрые. – Имя у тебя-то есть?

– Давненько мое имя не спрашивали. – Усмехнулся резко прибавивший в возрасте дервиш. Так-то он мне казался лет на сорок, но сейчас я вижу, что ему не меньше шестидесяти, серьезный возраст по нынешним временам. – Отец назвал меня Ёркин.

– Яркий, значит. И наверняка ходжа. А скажи мне, Ёркин-Ходжа, не хочешь ли ты помочь водяному? У меня скоро проснется сув-пэри, девица молодая, неумелая и глупая, но при этом необычайно сильная и невоздержанная в поступках своих. А у меня в помощницах только кум-пэри. Очень тебя прошу! – Вот пришло мне в голову, что Хилола должна с большим почтением относиться к дервишам. Это ей отец с матерью вколотили, правда, с целым набором ограничений. Дервиши, они люди простые. Берут все, что плохо

лежит – хлеб, яйца, честь девичью...

Глаза у болезного хаджи стали как медные монеты размером. И особо не раздумывая, тот подхватил крохотный узелок и шагнул мне в лодку, скромно усевшись на кормовую банку.

– Есть, наверное, хочешь? – Я хмыкнул на раздавшиеся из желудка дервиша трели. – Сейчас будем проходить мимо пекарни, купишь лепешек. Держи, купишь на все. Пустынница хлебушка тоже не прочь отведать. – И я кинул дервишу большую серебряную монету, которую тот поймал очень и очень ловко.

После лавки с хлебом я велел дервишу держаться покрепче и «дал газу», прикрыв нас отводом глаз. Надо было видеть ошалелые глаза святого бродяги, когда тот осознал, с какой именно скоростью мы летим. И это я особо не разогнялся, опыта по удержанию лодки на гребне цунами у меня нет как такового, потому не больше полусотни километров бежим. Но такая скорость здесь и сейчас – за гранью понимания большинства людей. Но даже с такой скоростью нам идти около восьми часов, а человеческое тело имеет предел возможностей. И потому я встал на дневку в длинном, глухом заливчике.

– Нехорошее место, суви-аджар. Очень нехорошее, – поежился дервиш, оглядываясь вокруг.

В этом я с ним был согласен. Зря я сюда свернул. И как я пропустил этот ерик при прошлой разведке? Чуть даль-

ше вверх была небольшая заболоченная старица. Узбоем это озерцо не назовешь, этот кус старого русла уже совершенно непроточен.

– Смотри, суви-аджар. – Дервиш ткнул пальцем в старый, полуобвалившийся мазар. – Надо уходить отсюда, здесь немертвая ведьма живет.

– Э, нет, дервиш. Здесь моя река, значит, за берега я тоже отвечаю. Сиди здесь, не вздумай лезть на берег без моего разрешения. – И я ступил на воду. Со стороны наверняка смотрелось эпично, как я по водной глади шел. И чем ближе я подходил к берегу, тем сильнее чувствовалась чернота. Темная, глухая ненависть ко всему, и к жизни и к смерти, вообще ко всему существу.

Рисковать я не стал, я не Рэмбо и не Терминатор. А потому просто ударил небольшим цунами по развалинам. Кто б там не сидел, такое ему точно не понравится. И угадал – с яростным ревом-визгом из уже полностью разрушенного мазара вылетело нечто. Ну, для простого человека это умертвие (не зря ее немертвой ведьмой дервиш назвал) двигалось настолько стремительно, что кроме смазанной полосы он бы и не увидел ничего. А для меня – жуткая, ну совершенно неэстетичная картина. Ибо, по моему скромному мнению, даже нелюдь должна быть совершенна. Впрочем, похоже, к нежити это не относится. Грязная, сухая, с лохмами вместо волос, с обломанными когтями и гнилыми зубами старуха в обрывках-лохмотьях. На шее, кстати, висит такой же золо-

той амулет, какие я подобрал с останков орков, после того как поглотил их души.

Пробитая сразу пятью ледяными копьями нежить стала похожа на кошмар энтомолога. А я принялся поглощать силу этого недоразумения. Аккуратно высосав ее до доньшка, я подкинул пригоршню серебра, и разогнав ее до пятисот метров в секунду (зря я что ль телекинез осваивал), прошил нежить импровизированной серебряной картечью. Не собираюсь я эту не-жизнь поглощать, у меня от ее силы изжога, а от остального банально вывернет наизнанку. А блюющий водяной бедствие для окрестностей. Короткий взвизг, и на землю рушится сухой ссохшийся костяк с кое-где сохранившейся истлевшей кожей. То, что осталось от души этого несчастья, ушло, исчезло. При этом я осязательно услышал, как кто-то негромко хмыкнул. Интересно, кто это меня своим вниманием почтил?

Долго задерживаться здесь я не стал. Короткий осмотр показал кучу дробленых костей. Всех подряд – людей, зверей, птиц, рыб. Все было пожрано, грубо, яростно. Эта куча была свалена в небольшой овраг за мазаром, и даже ворон и чаек поблизости не было. Да что там – мух поблизости от нее не видать, только тяжелый смрад стоит от мертвечины.

– Похоронить бы. По-людски. – Дервиш стоял около меня, и смотрел на то, что осталось от когда-то живых существ. Нет, и люди, и звери, и рыбы пожирают друг друга только в путь, но вот все едино, как-то чище к этому относятся. А тут,

даже смерти нормальной нет. Ибо смерть, это начало нового, погибший дает жизнь выжившему, это извечный закон. Здесь же просто уничтожение за ради уничтожения. Ну, и потехи еще, но очень дурной. Даже всякие адепты приносят жертвы ради чего-то или кого-то, а тут просто, ради того, чтобы кто-то не жил. – А то отсюда такое может выйти...

– Ты прав, Ёркин-ходжа. – Я кивнул, сосредоточился. В здешних местах нефти практически нет, но кой-где встречается. Вот из такой линзы я и потянул ручеек земляного масла, густого, почти сплошь битум и мазут. Но для таких целей пойдет. А то я хоть с огнем и дружу, но все-таки это мой антипод. Такого пламени, чтобы вычистить этот овраг я выдать не смогу. А водой – просто времени нет, тут надо все основательно промыть. Это не просто смыть в старицу надо, это еще саму старицу и останки водой и песочком чистить и чистить, долгая работа, муторная. Нет, этот кусочек Дарьи я просто так не брошу, я здесь десятка три родников оживил, перенаправил в старицу, но это по сравнению с упокоением такого количества погибших мелочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.